

91 (с194)

Ш 97

104287

А. А. Шустиковъ.

По деревнямъ
Олонецкаго края.

(Поѣздка въ Каргопольскій уѣздъ).

Изданіе Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края.

ВОЛОГДА.

Типографія П. А. Цвѣтова.

1915.

А. А. Шустиковъ.

По деревнямъ
Олонецкаго края.

(Поѣздка въ Каргопольскій уѣздъ).

Изданіе Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края.

ВОЛОГДА.

Типографія П. А. Цвѣтова.

1915.

91(с124) + В 68.

111 · 97

(Вологодская губерния)

Капронисский уезд.)

По деревнямъ Олонецкаго края.

(Поѣздка въ Каргопольскій уѣздъ).

Давно, лѣтъ 20 тому назадъ, у меня зародилась мысль побывать въ сѣверо-восточной части Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи—въ мѣстностяхъ: „Мехренга“, „Моша“ и др., какъ наиболѣе глухихъ и удаленныхъ отъ большихъ проѣзжихъ дорогъ и интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи. Кромѣ того, меня интересовало и своеобразіе природы въ тѣхъ мѣстностяхъ. Я зналъ изъ рассказовъ лицъ, бывавшихъ тамъ, что въ одной Мошѣ, напр., имѣется болѣе 70-ти озеръ, и вся волость эта расположена по берегамъ ихъ.

Надѣялся я найти тамъ и богатый сказочный матеріалъ.

Лѣтомъ 1913 года, заручившись свидѣтельствомъ на право собиранія этнографическихъ матеріаловъ, любезно мнѣ выданнымъ г. Предсѣдателемъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ—академикомъ А. А. Шахматовымъ,—я это свое давнишнее намѣреніе и осуществилъ. Запасшись фотографическимъ аппаратомъ и разной провизіей, мы съ сыномъ Константиномъ и двинулись туда въ началѣ августа по Архангельской жел. дорогѣ до ст. „Няндомы“ (278 верстъ отъ Вологды).

Не буду описывать своихъ желѣзнодорожныхъ впечатлѣній,—они такъ обычны и такъ скучны. Начну со станціи „Няндомы“. Расположена она, какъ уже сказано, въ 278-и верстахъ отъ г. Вологды, почти на половинѣ пути къ Архангельску; на этой станціи смѣняется поѣздная бригада и есть желѣзнодорожное депо, больница, школа и т. д., словомъ—станція большая, отъ которой идетъ проселочный трактъ съ одной стороны на Каргополь, съ другой—на Шенкурскъ, Архангельской губ.

Но какъ всегда, русская дѣйствительность привыкла показывать для проѣзжающихъ свои неожиданности. Такъ случилось и съ нами. Когда мы вышли изъ вагона и пришли въ вокзалъ, чтобы справиться въ почтовомъ отдѣленіи: нѣтъ-ли на мое имя пакета изъ Каргопольской Земской Управы, которой я передъ отъѣздомъ послалъ деньги и просилъ выслать карту своего уѣзда, адресовавъ ее на ст. „Няндомы“,—то каково-же было мое удивленіе, когда мнѣ сказали, что на этой станціи (такой большой) нѣтъ почтово-телеграфнаго Отдѣленія, а находится оно въ поселкѣ, отстоявшемъ версты за $1\frac{1}{2}$ или за 2 отъ станціи.

Спросили о постояломъ дворѣ или трактирѣ, гдѣ можно было бы переночевать и получили тотъ-же отвѣтъ, что и это все находится въ томъ-же поселкѣ. Лошадей, чтобы доѣхать туда, нѣтъ, а между тѣмъ ночь была

темная, накрапывалъ дождикъ; идти въ поселокъ пѣшкомъ, съ багажомъ, конечно, было немыслимо и мы стали ждать, пока наша-же обычная тройка: „авось, небойсь и какъ-нибудь“ не выручитъ насъ. Сидимъ у буфета и ждемъ. И, дѣйствительно, выручка не замедлила послѣдовать: вскорѣ-же кто-то пріѣхалъ на станцію и я подрядилъ обратнаго ямщика довести насъ до этого таинственнаго поселка. Ямщикъ согласился и мы поѣхали на земскую станцію, находившуюся тамъ-же. Поселокъ оказался очень большимъ: тутъ и земская лечебница есть, и желѣзнодорожная, есть и почтово-телеграфное отдѣленіе и земская станція, и училища земскія и желѣзнодорожныя и... лавки, лавки безъ конца!

Переночевавъ здѣсь, на утро прихожу въ почтовое отдѣленіе и спрашиваю объ упомянутомъ пакетѣ. Но тамъ никакого пакета мнѣ не оказалось, какъ нѣтъ его и до сихъ поръ; не только карты уѣзда, но даже и отвѣта отъ Земской Управы не получилъ и куда мои злополучные 2 рубля, посланные на карту уѣзда, дѣвались—не знаю ¹⁾).

На утро тотъ-же ямщикъ, который привезъ насъ въ поселокъ, опять приходитъ и поряжается доставить насъ до самой Моши, волокъ до которой отъ Няндомы—40 верстъ, а до волостного Правленія—43 версты, причемъ никакихъ деревень по близости нѣтъ.

Поѣхали... Дорогою нашъ возница и безъ того уже выпившій то-и-дѣло вынималъ изъ кармана бутылку съ водкой и прикладывался къ горлышку ея, все болѣе и болѣе хмѣлѣлъ и становился развязнѣе.

Дорога все время идетъ густымъ сосновымъ и еловымъ лѣсомъ, со слѣдами по обѣ стороны недавняго лѣсного пожара, происшедшаго, по словамъ ямщика, отъ поджога. Поджогъ этотъ въ казенныхъ дачахъ дѣлается ради того, чтобы растущій огромный лѣсъ, стоющій по таксъ на продажу очень дорого,—купить потомъ подешевле—за $\frac{1}{4}$ стоимости, какъ лѣсъ „мертвый“, потому что онъ послѣ пожара сохнетъ (становится „мертвымъ“) и валится. Однако, для сбыта на желѣзную дорогу или для распиловки—этотъ лѣсъ еще не представляетъ собой брака („фаута“).

Мѣстность очень холмиста и, кажется, мы и 10-ти сажень не проѣхали прямой, ровной дорогой до выселка „Березово“, а все или подъ гору спускались, или поднимались въ гору; между холмами неизбѣжно, то-и-дѣло, находились озерки.

Наконецъ пріѣхали въ „Березово“.

Отецъ нашего Семена (такъ звали ямщика), видя его пьянымъ, страшно разругалъ его и ссадилъ съ козелъ, а насъ пригласилъ въ комнаты, такъ какъ пожелалъ перепречь лошадей.

„Вѣдь, дуракъ-то не кормилъ цѣлые сутки лошадокъ,—все пропилъ“, сказалъ онъ.

¹⁾ Впослѣдствіи деньги эти Каргопольская Земская Управа вернула мнѣ въ Вологду.

Сидя за чайкомъ, мы разговорились съ Манушкинымъ (фамилія отца нашего ямщика). Я спросилъ его, давно-ли онъ поселился здѣсь и почему? Онъ отвѣтилъ, что сюда въ Березово поселился давненько ужъ.

Причина, побудившая его выселиться изъ деревни, находящейся въ 34-хъ верстахъ отъ „Березова“ и въ 20-ти отъ „Половиннаго“¹⁾, заключается въ слѣдующемъ. Нужно сказать, что крестьянскіе надѣлы здѣсь огромные— по 70 дес. на душу, а такъ какъ онъ владѣлъ на 5 душъ, то и пай его въ общинѣ выражается въ 350 дес. Полевой-же, такъ сказать, кругъ около деревни малъ и весь надѣлъ, большею частью, находится здѣсь. Понятно, что въ 20-ти и 35-ти верстахъ отъ деревни обрабатывать землю неудобно и вотъ онъ, будучи къ труду „солошой“ (жадный, охочій), пожелалъ переселиться сначала сюда, въ „Березово“; для этого пришлось оставить обработанную уже, культурную землю общинѣ и взять пустырь, гдѣ въ то время сдинъ лишь сѣнокосъ былъ расчищенъ по рѣчкѣ Ихтѣ и больше ничего. Общество, въ свою очередь, перевезло всѣ его строенія на новое мѣсто бесплатно и помогло ему еще прибавкой 50-ти десятинъ земли, имѣя въ виду, что получаетъ отъ него готовую уже пахотную и сѣнокосную землю, а ему, взаменъ того, отдаетъ лѣсную, которая въ то время не имѣла почти никакой цѣны.

Такимъ образомъ на двухъ „выселкахъ“ у Манушкина имѣется около 400 дес. земли.

Теперь его единственное желаніе—закрѣпить за собой всю эту землю отъ общества. Отъ проѣзжихъ онъ знаетъ, что есть такой законъ (9-го ноября и 14-го іюня), по которому возможно это сдѣлать и вотъ теперь онъ каждаго проѣзжающаго спрашиваетъ, какъ и съ чего начать это укрѣпленіе.

Въ „Половинномъ“ онъ выстроилъ домъ потому, что тутъ открылась земская станція, содержателемъ которой онъ и состоитъ.

Раньше дорога эта имѣла мѣстный характеръ и была очень мала, но съ проведеніемъ Архангельской жел. дороги и съ устройствомъ станціи „Няндомы“, она стала служить подъѣзднымъ путемъ къ станціи не только всей Каргопольской мѣстности, но и для жителей Шенкурскаго и отчасти Вельскаго уѣздовъ. Каргопольское земство приняло ее въ свое вѣдѣніе: расширило этотъ трактъ, устроило прекрасные мосты и учредило станціи, которыя въ то же время служатъ и почтовыми, такъ какъ земской почты здѣсь нѣтъ, а ходитъ государственная на Шенкурскъ, Архангельской губ.

Далѣе, имѣя въ виду, что волокъ отъ „Няндомы“ до первой деревни на Мошѣ—40 верстъ, а до волостного Правленія—43 вер. и, конечно, такой большой перегонъ для лошадей не по силѣ, земство рѣшило устроить на половинѣ этого волока станцію, вотъ почему она и носитъ названіе „половинной“. Отсюда и возникъ новый „выселокъ“.

Напившись чаю и видя лошадей запряженными, мы стали одѣваться, чтобы ѣхать дальше, на этотъ разъ съ самимъ старикомъ, какъ вдругъ

1) Второй выселокъ Манушкина.

въ сосѣдней комнатѣ что-то зазвенѣло и затрещало; старикъ бросается туда и мы за нимъ, наконецъ старикъ махнулъ рукой и побѣжалъ за „Сѣмкой“. Оказывается—это звонилъ телефонъ. Всѣ станціи и волостныя Правленія отъ Каргополя до Моши снабжены этими аппаратами, причемъ дѣло обстоитъ такъ, что, если напр. вы даеете сигналъ кому-нибудь по телефону, то моментально этотъ сигналъ отзывается на всѣхъ станціяхъ и Правленіяхъ, такъ-что вашъ разговоръ могутъ подслушать на любой станціи, что, впрочемъ, строго запрещается въ „Правилахъ пользования телефономъ Каргопольскаго земства“, вывѣшенныхъ въ каждой станціи, въ каждомъ волостномъ Правленіи.

Приходитъ Семень, сильно пошатываясь и ворчитъ про отца: „Ругать такъ мастеръ. и хуже нѣтъ меня, а чуть дѣло, такъ опять тотъ-же „Сѣмка“ иди. а самъ боится и подступиться“.

Беретъ трубку и слушаетъ. Отецъ спрашиваетъ: „Кого?“—„Какого-то Степана Ивановича“. Я спрашиваю: „Да куда телефонируютъ-то?“—„Да Богъ знаетъ, гдѣ такой есть!..“

Хотѣлъ было я разсмотрѣть этотъ аппаратъ, но ужъ одѣтъ былъ, да и ѣхать пора, и мы вышли на улицу, оставивъ телефонъ звенящимъ и хрипящимъ на всѣ лады...

Дорога опять пошла боромъ и была такая-же холмистая, какъ и отъ „Няндомы“; впрочемъ. и всюду, куда бы мы не ѣхали. дорога была одинаково холмиста и изобиловала озерами. Лишь подъѣзжая къ „Половинной“, она сдѣлалась ровнѣе и вмѣсто горъ нашему взору представилась низина, покрытая густымъ еловымъ лѣсомъ и стоявшій на этой низинѣ большой одноэтажный домъ—„выселокъ“ Половинный. Этотъ домъ раздѣляется на 2 жилья: влѣво—двѣ комнаты для проѣзжихъ. а вправо—тоже двѣ—для хозяевъ и рабочихъ, причемъ послѣднихъ только 1 работникъ и 1 работница.

Затѣмъ, рядомъ съ этимъ домомъ есть еще сарай для лошадей и для сѣна и больше никакихъ построекъ на этомъ „выселкѣ“ нѣтъ.

Нашъ старикъ пошелъ въ избу къ старухѣ переодѣться въ новый пиджакъ и въ новую рубашку; выскочившимъ навстрѣчу двумъ сыновьямъ онъ приказалъ перепречь лошадей, запречь новыхъ, а этихъ выкормить къ его возвращенію съ Моши.

Въ ожиданіи пока запрягутъ лошадей, мы пошли въ поле смотрѣть его расчистку.

Расчищенный подъ пашню и сѣнокосъ участокъ земли былъ еще очень малъ, но лѣсу вырублено много, даже цѣлыя груды его валяются небранными; пни еще не выкорчены; хотя мѣстами часть земли уже засѣяна хлѣбомъ, но очень ничтожная. Очевидно, старику Манушкину и впереди еще предстоитъ очень много работы по приведенію этого пустыря въ культурный видъ, а силы его слабѣютъ, сыновья же смотрятъ врозь. Крѣпко мутитъ это старика, но врядь-ли онъ удержитъ семью отъ распадения...

Когда онъ переодѣлся и лошади были перепряжены, мы двинулись дальше, къ Мошѣ. Не проѣхали и съ версту по низинѣ, какъ дорога опять приняла свой обычный видъ: пошла все боромъ и становилась холмистѣе, при чемъ на холмахъ росъ густой сосновый лѣсъ. Мѣстами даже попадались на самой дорогѣ огромныя сосны.

Озерки по краямъ дороги опять то и дѣло стали попадаться на пути; нѣкоторыя изъ нихъ были очень миниатюрны, не больше 50—60 саж. въ окружности, другія были съ версту и съ двѣ.

Не доѣзжая первой деревни на Мошѣ, мы свернули влѣво отъ тракта, по направленію къ Мошинскому озеру, на берегу котораго и стояло волостное Правленіе, куда я хотѣлъ захватить за полученіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній.

Наконецъ, вдали показалось Мошинское озеро и спустя $\frac{1}{4}$ часа мы вѣзжали въ деревню и остановились передъ зданіемъ волостного Правленія.

Въ наше распоряженіе волостной писарь любезно предоставилъ одну комнату изъ своей квартиры. Познакомившись съ нимъ и разговорившись о цѣли своего приѣзда, я спросилъ его, не знаетъ-ли онъ гдѣ-нибудь по близости сказочника, который бы согласился рассказать намъ свои сказки. Онъ указалъ на Петра Макарова, кр-на дер. Федоровской, отстоящей отсюда въ 3-хъ верстахъ. Посылаю за нимъ.

Макаровъ пришелъ уже къ вечеру и замѣтно „на-веселѣ“. Сначала онъ робѣлъ, но когда узналъ, что я такой-же крестьянинъ, какъ и онъ, узналъ что я съ рѣки Кубины, по которой онъ плавалъ, то радостно воскликнулъ: „Мать-честная! А я вѣдь думалъ, что приѣхалъ чиновникъ какой и, признаться, для храбрости выпилъ „малость“. Послѣ этого вынимаетъ изъ кармана недопитую бутылку съ водкой и потчуетъ меня; я отказываюсь, тогда онъ съ другими крестьянами оканчиваетъ ее и начинаетъ сказывать сказки.

Сначала, по обыкновенію, дѣло не клеилось или, какъ онъ выражался, шло „не склеписто“, ибо говорилъ онъ очень быстро и я не успѣвалъ записывать, но потомъ мало-по-малу наладилось и дѣло пошло уже „склепистѣ“.

Въ первый вечеръ по приѣздѣ я успѣлъ записать только одну сказку отъ Макарова, а въ послѣдующіе 3 дня переписалъ ихъ всѣ, какія имѣлись у него и представляли для меня какой-нибудь интересъ. Разсчитавшись съ нимъ, я занялся собираніемъ другихъ матеріаловъ, но прежде всего хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, что такое

М о ш а.

Подъ именемъ „Моша“ извѣстна въ народѣ цѣлая мѣстность въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на 100 верстъ раскинувшаяся въ длину и составляющая сѣверо-восточную часть его, граничащую съ одной стороны съ Шенкурскимъ уѣздомъ Архангельской губ., съ другой—Вельскимъ уѣздомъ Вологодской губ. Въ административномъ отношеніи Моша раздѣляется на 2 волости:

Фатьяновскую и Воезерскую. Впрочемъ, послѣдняя выдѣлилась въ особую волость отъ Фатьяновской (собственно „Моши“) очень недавно, всего 12—15 лѣтъ тому назадъ, до того же времени вся эта мѣстность составляла одну волость.

Но если и сейчасъ удастся вамъ встрѣтить какого-либо крестьянина (они ходятъ широко по Россіи, занимаясь сплавомъ лѣса) изъ Елгомы, Мехреньги и другихъ приходоѡ, составляющихъ Воезерскую волость, то на вопросъ: откуда онъ? услышите непременно отвѣтъ: „съ Моши“, а не изъ Воезерской волости; изъ этого ясно, что тамошній народъ до сихъ поръ подъ словомъ „Моша“ понимаетъ всю свою „округу“.

Извѣстно, что населеніе въ этой округѣ, какъ и всюду на Сѣверѣ, селилось какими-то „гнѣздами“ по берегамъ рѣкъ и озеръ, а далѣе на десятки верстъ тянутся непроходимыя лѣса („волока“). Въ самомъ дѣлѣ, меня часто удивляло, что идешь или ѣдешь лѣсомъ и ни души человѣческой не встрѣтишь, и вдругъ сразу-же цѣлая куча деревень выступить изъ-за темнаго лѣса со своею приходской церковкой, всегда маленькой и деревянной.

Моша или Фатьяновская волость состоитъ изъ 4-хъ сельскихъ обществъ: Мошинскаго, Зарѣчнаго, Лимскаго и Шожменскаго и заключаетъ въ себѣ 92 деревни, расположенныхъ по берегамъ Мошинскаго озера и р. Моши. Кромѣ того, имѣются 4 выселка; два изъ нихъ мы уже знаемъ, это—крестьянина Манушкина. Такимъ образомъ всѣхъ поселеній въ Мошѣ—96. Ревизскихъ душъ эта волость имѣетъ 2100, а наличныхъ обоого пола, по свѣдѣніямъ волостного Правленія,—около 8 тысячъ душъ.

Приходскихъ церквей здѣсь три: собственно Мошинская Николаевская церковь (единственная въ мѣстности каменная), расположенная на самомъ берегу озера.

Лиминская-Ильинская церковь и Шожменско-Предтеченская, обѣ деревянные. Кромѣ того, есть еще церковь на островкѣ Мошинскаго озера, это—Ильинская, которую мѣстнымъ крестьянамъ, выстроившимъ ее, желательно бы сдѣлать приходской и они ходатайствуютъ о назначеніи имъ причта.

Озеро Мошинское, по берегу котораго расположена почти вся волость, имѣетъ въ длину 12 верстъ, а въ ширину 1—2 вер.; озеро рыбное, хотя и не глубокое. Въ него впадаютъ слѣдующія рѣки: Ковкало, Воезерка, Шорьга и др., а беретъ начало изъ него р. Моша, впадающая, кажется, въ Онегу. Изъ рыбъ, водящихся въ озерѣ, нужно отмѣтить: окунь, щука, сорога, лещъ и «лоховина» (лохъ); послѣдняя заходитъ изъ Онежскаго озера. Но рыболовство здѣсь не имѣетъ промысловаго характера, ловится рыба большею частью для себя лишь, или артелью, имѣющей свой артельный неводъ. На продажу поступаетъ ее очень мало, по отсутствію сбыта, а можетъ быть и по неумѣнью добывать ее въ большомъ количествѣ, особенно въ зимнее время, когда рыбу въ замороженномъ видѣ можно бы отправлять по желѣзной дорогѣ куда угодно.

Главнымъ промысломъ, дающимъ средства къ жизни, какъ и всюду въ земледѣльческой Россіи, здѣсь является хлѣбопашество, причѣмъ сѣется только рожь, ячмень и овесъ.

Надѣлы земли здѣсь огромные, по 70—72 десятины на ревизскую душу, такъ какъ крестьяне—бывшіе государственные и, очевидно, казна въ свое время не жалѣла земли. Будь это на югѣ, или въ средней полосѣ Россіи, тогда другое дѣло: надѣлы эти являлись бы хорошими помѣщичьими усадьбами. Здѣсь-же совсѣмъ не то.

Вслѣдствіе природныхъ условій, вслѣдствіе холмистости мѣстности, гдѣ сплошь и рядомъ между холмами находится или болото или озеро, въ Мошѣ воздѣлываніе земли возможно только на холмахъ, которые представляютъ изъ себя просто груды намоиныхъ песковъ или, выражаясь по мѣстному: «земля у насъ журунь-песокъ, сколько, говорятъ, ни клади навозу—все слопаеть». И, дѣйствительно, хлѣба у нихъ плохи: чтобы мало-мальски родился хлѣбъ у крестьянина, ему надобно очень сильно удобрять эти «журунь-пески», а для этого надо держать много скота. Поэтому неудивительно встрѣтить здѣсь 10—15 и даже 20 коровъ у крестьянина, но отъ которыхъ, какъ говорится, «ни молока, ни масла», такъ какъ держатъ ихъ спеціально для накопленія навозу; часто случается, что навозъ отъ дождя стекаетъ съ холмовъ въ рѣчки и озера, не удобряя почвы. Скотъ-же, питаясь лѣтомъ на гористой поскотинѣ бѣлымъ мохомъ и плохими травами, а зимою—соломой и болотнымъ сѣномъ, понятно, не можетъ быть крупнымъ, жирнымъ и продуктивнымъ, въ смыслѣ полученія отъ него молока, а, въ большинствѣ случаевъ,—очень мелокъ и тощъ. Вотъ почему при такомъ изобиліи коровъ въ мѣстности, здѣсь нѣтъ ни одного ни сыровареннаго, ни маслодѣльнаго завода, да и быть ихъ не можетъ, пока не улучшатся кормовыя средства. Однако, долженъ сказать, что молоко здѣсь, котораго все-же даютъ немножко и здѣшнія коровы, настолько густо и жирно, что не во всякой мѣстности найдешь такія сливки.

Огородничество здѣсь тоже находится въ очень плачевномъ состояніи. Въ огородахъ только и растутъ: лукъ, картофель, рѣдька и брюква, почему-то носящая здѣсь названіе «земляной капусты». Капусту сажаютъ въ огородахъ очень рѣдко, да и растётъ-то она плохо: кочешокъ не болѣе дѣтскаго кулачка. Ни свеклы, ни моркови, а тѣмъ болѣе—огурцовъ и въ поминѣ нѣтъ во всей мѣстности. Это объясняется, надо полагать, тоже песчаной почвой, неудобной для произрастанія упомянутыхъ овощей, да отчасти и суровостью климата.

Вотъ при такихъ-то условіяхъ и приходится жить здѣшнему земледѣльцу.

Неудивительно, что несмотря на обиліе земли, здѣшнему крестьянину однимъ земледѣліемъ не прожить, и приходится ему искать подсобныхъ промысловъ. При самомъ упорномъ трудѣ, при достаточномъ количествѣ скота, служащаго, какъ сказано, для удобренія почвы, у лучшаго крестьянина получится урожай, достаточный для прокормленія своей семьи непо-

купнымъ хлѣбомъ, а ужъ о продажѣ его говорить не приходится. «Маломочные»-же изъ крестьянъ всегда прикупаютъ хлѣбъ.

Надо еще прибавить, что это огромное количество надѣльной земли находится не всегда въ полевомъ кругу, т. е. близъ деревни, а большею частью составляетъ лѣсной надѣлъ, находящійся за 20—30 верстъ отъ нея, за непроходимыми въ лѣтнее время болотами. Правда, лѣса въ настоящее время имѣютъ большую цѣнность, но не для крестьянъ; крестьяне не имѣютъ права, по закону, эксплуатировать ихъ для продажи, а могутъ рубить только для собственной потребности.

Вотъ почему подсобные промыслы играютъ здѣсь немаловажную роль; такими являются: осенью—*охотничій* промыселъ на бѣлку, куницу, лисицу, рябчика и т. п., дающій имъ отъ 30-ти до 50-ти рублей дохода. Но этимъ промысломъ могутъ заниматься только больше-семейные, имѣющіе возможность отдѣлать одного изъ членовъ семьи на этотъ промыселъ безъ урона въ хозяйствѣ; что касается малосемейныхъ, то по обилію спѣшныхъ хозяйственныхъ работъ осенью, какъ-то: уборка хлѣба съ полей, молотьба и т. д., они не могутъ дѣлать этого.

Вторымъ подсобнымъ промысломъ, дающимъ средства къ жизни и уплатѣ повинностей, промысломъ, безспорно, наиболѣе распространеннымъ на всемъ нашемъ Сѣверѣ, является *рубка и возка лѣса* по зимамъ на г.г. лѣсопромышленниковъ. Промысломъ этимъ занимаются почти всѣ, какъ большесемейные, такъ и малосемейные, что даетъ возможность для семьи, состоящей изъ одного взрослого рабочаго («рубщика») и подростка («отвозчика»), заработать въ зиму отъ 40 до 60-ти рублей, смотря по силѣ рубщика и его лошади.

Весною-же главнымъ промысломъ для «мошака» служитъ отхожіи промыселъ по сплаву лѣсовъ. Мошаки въ этомъ дѣлѣ прославились специалистами и безстрашными сплавщиками по всему Сѣверу. На какой-бы рѣкѣ или рѣчкѣ не происходилъ сплавъ лѣса, мѣстнымъ жителямъ обыкновенно платятъ за работу отъ 3-хъ до 5-ти рублей въ недѣлю (на хозяйскомъ содержаніи); мошаку-же или онежанину за ту-же работу платится, въ большинствѣ случаевъ, отъ 7 до 10-ти руб. въ недѣлю. Да это, собственно говоря, и не удивительно. Представьте себѣ такую картину: на какой-нибудь порожистой рѣкѣ или рѣчкѣ, при сплавѣ лѣса, быстрымъ теченіемъ воды накатить его на камень или косу, что по жаргону сплавщиковъ называется: сдѣлается «заломъ». Отъ сплавщиковъ требуется «разломать» его, т. е. расшевелить бревна, чтобы онѣ могли плыть дальше. Но какъ это сдѣлать? Въ лодкѣ туда не подъѣхать, потому что вся рѣка бываетъ запружена бревнами и сплавщикъ долженъ перескакивая съ одного бревна на другое, перебраться къ мѣсту залама и разломать его. Но тогда все громадное количество бревенъ подъ напоромъ рѣчной воды быстро поплыветъ внизъ по теченію и стройные ряды лѣса разсыплются. Какъ-же тутъ удержаться на какомъ-нибудь бревнѣ, не упасть въ воду? Вѣдь очень легко можно попасть подъ другія бревна и быть ими раздавленнымъ на-

смерть или затертымъ на дно рѣчное. Но мошаки или онежане это умѣютъ дѣлать, за что, по справедливости, и считаются самыми искусными сплавщиками.

Про ихъ храбрость и смѣлость въ этомъ дѣлѣ рассказываютъ прямо чудеса. Напр., есть въ Вельскомъ уѣздѣ, Вологодской губ. рѣчка Подюга, имѣющая очень быстрое теченіе. На ней есть порогъ, вродѣ водопада, съ котораго вода падаетъ почти отвѣсно на нѣсколько сажень внизъ. На этой рѣчкѣ находились мошаки, которые просто изъ любви къ искусству становились передъ водопадомъ на одно бревно, имѣя для равновѣсія багоръ въ рукахъ, и пускались вплавъ по водопаду. Со стороны видно было, какъ при паденіи воды человекъ, стоявшій на бревнѣ, по самое горло погружался въ рѣчку и вынырять изъ нея вмѣстѣ съ бревномъ, не теряя равновѣсія и не выпуская бревна изъ-подъ ногъ. Вѣдь, при малѣйшей оплошности, напр., стоило только упасть, и другими, пльвшими за нимъ, бревнами его немедленно раздавило бы, не говоря о простомъ потопленіи. Не даромъ, поэтому ихъ и требуютъ на сплавъ лѣсовъ по р. Кубинѣ и Онегѣ, какъ ближайшихъ къ нимъ, затѣмъ по Костромѣ, Печорѣ и даже за послѣднее время куда-то въ Сибирь, помнится, въ Иркутскую губернію. Конечно, и получаютъ мошаки хорошія деньги.

Этотъ послѣдній заработокъ считается наиболѣе прибыльнымъ, но (ахъ, это русское но!), къ сожалѣнію, домой приносится денегъ очень мало, — гдѣ онѣ получаютъ, тамъ и пропиваются; на эту работу годна только молодежь, а она и здѣсь точно также невоздержна отъ этого „но“, какъ и во всей Россіи.

Что касается народнаго образованія и народнаго здравія, то первое поставлено здѣсь за послѣднее время вполнѣ удовлетворительно, чего нельзя сказать о второмъ, т. е. народномъ здравіи, которое еще только налаживается. Въ Мошѣ имѣется 6 начальныхъ народныхъ училищъ, въ томъ числѣ одно двухклассное министерское, находящееся на томъ-же берегу озера, гдѣ и Правленіе, и одна образцовая второклассная церковно-приходская школа, помѣщающаяся на другомъ берегу озера, по близости Николаевской церкви.

Къ сожалѣнію, намъ случилось быть тамъ въ такое время года, когда ученіе еще не происходило и учителей при школахъ не было, а потому и свѣдѣній о числѣ учащихся получить не удалось, за исключеніемъ одной образцовой церковно-приходской школы, учителя которой были уже при школѣ и мы, взявши лодку, отправились съ сыномъ за озеро.

Это училище помѣщается въ прекрасномъ и обширномъ собственномъ домѣ, возлѣ котораго стоитъ еще другой, специально построенный для учительскихъ квартиръ. Старшій учитель и дѣлопроизводитель этой школы Николай Федоровичъ Покровский встрѣтилъ насъ очень любезно и показалъ все расположеніе школы, называемой образцовой, единственной на весь уѣздъ.

Комнаты оказались дѣйствительно большія, свѣтлыя и высокія (не менѣе 5-ти арш. отъ полу до потолка); но что касается бібліотеки, то она, нельзя сказать, чтобы была богата содержаніемъ, — это, большей частью, изданія синодальной типографіи.

При школѣ имѣется интернатъ на 34 человекъ, которые во время ученія находятся на полномъ содержаніи (кромѣ одежды, которая должна быть своя) школы, т. е. на стипендіи, учрежденныя казною и земствомъ. Въ числѣ живущихъ въ интернатѣ есть даже дѣти не мѣстныхъ жителей, а уроженцы Архангельской губ. Остальные-же ученики живутъ дома, не подалеку отъ школы.

Въ минувшемъ учебномъ году, по словамъ г. Покровскаго, обучалось въ I классѣ 50 человекъ дѣтей (мальчиковъ и дѣвочекъ), во II — 56 чел.; всего 106 чел. Окончило ученіе въ томъ и другомъ по 8 чел.; всего 16.

Учительскій персоналъ состоитъ изъ трехъ учителей, изъ которыхъ старшій, т. е. дѣлопроизводитель (г. Покровскій) получаетъ въ мѣсяцъ 50 руб. жалованія вмѣстѣ съ готовой квартирой при самой школѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, второй—40 руб. и третій—30 руб. въ мѣс., тоже при готовыхъ квартирахъ, отведенныхъ имъ рядомъ со школою, въ спеціально для того построенномъ домѣ.

Кромѣ этихъ лицъ, къ числу преподавателей относятся: законоучитель—мѣстный священникъ, живущій въ своемъ домѣ, и затѣмъ учитель пѣнія и учитель гимнастики. Такъ что общій учительскій персоналъ состоитъ изъ 6-ти лицъ.

Я списалъ расписаніе уроковъ за одну недѣлю, вывѣшенное на стѣнѣ корридора. Вотъ оно:

Понедѣльникъ.

I и II кл. Письменная работа по русскому языку.

Вторникъ.

Утромъ: II кл. Законъ Божій.

I кл. Ариѳметика и геометрія.

Вечеромъ: I и II кл. Пѣніе и теорія пѣнія.

Среда.

Утромъ: II кл. Славянскій яз.

I кл. Законъ Божій.

III кл. Письменная работа по ариѳметикѣ.

Вечеромъ: I кл. Славянскій яз.

II кл. Физика.

Четвергъ.

Утромъ: III кл. Законъ Божій и расколовѣдніе.

Вечеромъ: I и II кл. Географія.

Пятница.

Утромъ: III кл. Ариѳметика и геометрія.

Вечеромъ: II кл. Ариѳметика и географія.

I кл. Русскій яз.

Суббота.

Утромъ: III кл. Ариѳметика и геометрія.

II кл. Исторія.

I кл. Физика.

Что касается народнаго здравія, то оказывается, что на всю эту стоверстную округу имѣются лишь 2 фельдшерскихъ пункта: Мошинскій и Воезерскій. Правда, года 2—3 тому назадъ при Мошинскомъ пунктѣ открытъ пріемный покой на 5 кроватей и учреждена тутъ должность врача, но, къ сожалѣнію, она почти всегда бываетъ вакантною: какъ только пріѣдетъ сюда врачъ, поживетъ мѣсяцъ или два, — и сразу же удираетъ изъ этого медвѣжьяго угла.

Чтобы имѣть понятіе объ этомъ дѣлѣ здѣсь и лично увидѣть его постановку, мы, освободившись отъ другихъ занятій, пошли въ „аптеку“, по мѣстному выраженію. Итти изъ Правленія туда пришлось по лѣмъ, скупленнымъ въ личную собственность богатымъ крестьяниномъ Д. (дядей бывшаго предсѣдателя Земской Управы) отъ бѣдныхъ; въ настоящее время онъ строитъ на этомъ полѣ очень фигурный домъ-особнякъ, фасадомъ на озеро, предназначенный, по слухамъ, для квартиры врача. Пройдя усадьбу Д., мы вошли въ казенную мызу Мошинскаго Лѣсничества. Это, собственно говоря, поляна десятины двѣ, красиво обсаженная съ одной стороны сосновымъ лѣсомъ, съ другой — лиственничнымъ, по срединѣ-же ея находится обширный одноэтажный домъ съ мезониномъ—квартира лѣсничаго.

По правую сторону дороги, возлѣ мызы, спустясь немного къ озеру и находилась „аптека“ или Мошинская лечебница.

При видѣ ея у меня сердце такъ и упало и мнѣ сразу-же стало ясною та причина, по которой врачи не живутъ здѣсь, когда я знаю, что они уживаются и въ гораздо болѣе глухихъ медвѣжьихъ углахъ, чѣмъ теперешняя Моша.

Представьте себѣ: старенькій, полуразвалившійся одноэтажный низенькій домъ, покривившійся въ разныя стороны, съ маленькими грязными окошечками,—и это больница. Войдя, я замѣчаю, что по срединѣ больницы идетъ сквозной корридоръ, направо—первая комната оказалась пріемной (она-же и аптека), двѣ слѣдующія,—такъ называемые, „пріемные покои“: въ одной 2 кровати, въ другой — 3; налѣво отъ корридора — квартира фельдшера. Войдя въ первую комнату, я пораженъ былъ ея убожествомъ: низкій потолокъ, темнота и за столомъ, направо отъ входа, кто-то копошится. Это оказался фельдшеръ. Рекомендуюсь и прошу позволенія осмотрѣть поста-

новку ихъ медицинскаго дѣла, на что получаю его полное согласіе. Оглядываюсь и вижу, что кромѣ стола имѣются еще 2 шкафика, отчасти наполненные „снадобьями“. Но какое убожество и въ пекарствахъ: есть тутъ только самое необходимое, что нерѣдко можно найти у всякаго частнаго лица, это: ol. ricini, chininum, pulvis doveri, codeinum, jodum и нѣсколько сортовъ наружныхъ мазей. Объ инструментахъ ужъ и говорить нечего... Очень бѣдна аптечка.

Спрашиваю: „Сколько было больныхъ въ прошломъ году стационарныхъ и амбулаторныхъ?“ — Фельдшеръ схватится то за ту, то за другую книгу, но ничего не могъ найти. За текущей-же годъ оказалось (помнится, что съ 1-го января по 11-е августа) амбулаторныхъ (въ томъ числѣ и стационарныхъ, если позволительно такъ выразиться), посѣтившихъ въ 1-й разъ 3,403 чел., повторныхъ—2,128; всего 5,531 человекъ, это за 7, съ небольшимъ, мѣсяцевъ!

Значить, больныхъ-то слишкомъ даже достаточно для того, чтобы мѣстному уѣздному земству позаботиться о болѣе лучшихъ условіяхъ леченія. Послѣ осмотра аптеки, я заглянулъ въ „палаты“ для больныхъ; тутъ было то-же самое, что и въ аптекарской комнатѣ: темнота, грязно-сѣро, хотя стѣны и побѣлены немного мѣломъ; въ комнатахъ очень низко — 3 или 3½ арш., не больше.

Не могу умолчать о томъ, что волна „просвѣтительства“ или кооперативнаго движенія не минула и Моши. Здѣсь открыты 4 потребительныхъ общества: Мошинское, Лимское, Орѣмское и Шожменское; затѣмъ имѣются 2 кредитныхъ товарищества, о-во сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственный складъ, но какъ идутъ ихъ дѣла и велики-ли обороты и барыши, къ сожалѣнію, цифровыхъ данныхъ получить не удалось.

Теперь надо сказать о нравахъ, обычаяхъ, суевѣріяхъ и преданіяхъ про старину.

По моему разумѣнію, мошаки очень незлобивы, гостепріимные, простые люди, когда они сносятся другъ съ другомъ, къ чужимъ-же относятся съ „хитростцею“, какъ и, вообще, русскіе простые люди, будь это на Югѣ или на крайнемъ Сѣверѣ. Къ этому приучила ихъ русская дѣйствительность.

Въ религіозномъ отношеніи они не особенно усердны, какъ надо полагать, въ молитвахъ къ Богу и къ почитанію сана священниковъ. Въ ихъ разговорахъ часто слышатся насмѣшки надъ послѣдними. Это, мнѣ кажется, объясняется тѣмъ, что мошаки прежде были старовѣры и теперь, вѣроятно, придерживаются еще „старинки“, хотя втайнѣ.

Изъ мѣстныхъ обычаевъ надо отмѣтить сильно-развитый здѣсь обычай устраивать „помочи“. Они устраиваются или малосемейными, вообще, бѣдными, не могущими нанимать поденщиковъ, но желающими окончить какую-либо работу (уборку сѣна или жатву хлѣба) „вмѣстяхъ съ людяма“. Къ этимъ идутъ изъ жалости, большею частью, только родственники.

Когда-же устраиваетъ „помочь“ богатый, то къ нему многіе идутъ ради угощенія, а болѣе и потому еще, что онъ когда-нибудь „пригодится“

имъ, напр., поможетъ въ нуждѣ хлѣбомъ или деньгами. На такія „помочи“, большею частью, идутъ молодые люди: дѣвицы и парни. Намъ удалось видѣть и слышать такую „помочь“, собранную богачемъ: тутъ было парней человѣкъ 5, а дѣвиць или молодежи до 15-ти, это у кого-то дожинали овесъ. Вечеромъ молодежь непрерывно пѣла пѣсни, которыя до 10 часовъ вечера раздавались въ полѣ, когда ужъ было совсѣмъ темно. Слушая пѣсни, мнѣ невольно приходитъ на умъ сравненіе пѣсенъ Юга съ пѣснями Сѣвера. Тамъ, на югѣ, голоса дѣвиць и парубковъ — густые и сильные и въ ихъ пѣснѣ-„думкѣ“ слышится тоска по какой-то необузданной волѣ и ширь степей съ ея „ковыль-травой“. Этотъ подъемъ духа, хотя-бы тоскующаго, передается и слушателю: такъ и хочется совершить что-то большое, широкое, захватывающее...

Здѣсь тоже голоса у молодежи громкіе и сильные, но въ нихъ нѣтъ той степной шири, не пахнетъ „ковыль-травой“, а отдаетъ дикимъ, могучимъ сосновымъ боромъ, ухающими филинами и лѣшаками. У насъ на сѣверѣ эта глушь боровая какъ-бы подавляетъ волю человѣка, а не расширяетъ ее, и остается ему только самому ухнуть, да такъ, чтобы и самъ лѣшакъ испугался твоего голоса и отступился-бы водить тебя „вокругъ да около“ въ дремучемъ лѣсу... Весь тонъ здѣшнихъ пѣсенъ „голосянокъ“ — ухающей и взвизгивающей, если можно такъ выразиться.

Въ зимнее время дѣвицы по вечерамъ собираются на бесѣды или вечеринки, гдѣ прядутъ ленъ. поютъ пѣсни, а парни „ухаживаютъ“ за ними. Но, если на такой бесѣдѣ не царитъ порядокъ и приличіе, а творится сумятица, напр., кто прядетъ, кто поетъ, кто пляшетъ, кто цѣлуется, то вмѣсто „бесѣды“ ее называютъ „супрятка“.

Въ Мшѣ, какъ и по всему Каргопольскому уѣзду, ко днямъ излюбленныхъ праздниковъ варится пиво. Варятъ его въ такомъ большомъ количествѣ, что съѣхавшіеся на праздникъ гости пируютъ цѣлую недѣлю. Конечно, пьютъ не одно пиво, а главнымъ образомъ водку.

Варится иногда пиво и общественное, приуроченное къ какому-нибудь дню любимаго святого. Такъ, на Мошѣ варятъ такое пиво къ Ильину дню (20-го іюля) и точно также этотъ обычай надо отнести ко временамъ языческимъ, какъ и въ Нижеслободской волости, Кадниковскаго уѣзда (см. мой очеркъ „Троичина“) ¹⁾.

О празднованіи этого дня здѣсь мнѣ рассказали слѣдующую легенду:

Прежде, въ „досельное“ время наканунѣ этого праздника ежегодно прибѣгалъ къ церкви олень и прилеталъ гусь, которыхъ убивали и жарили. Въ день-же праздника, т. е. 20-го Іюля, отслуживъ молебенъ и освятивъ пиво и мясо, рѣзали послѣднее на мелкіе куски и угощали весь приходящій на празднество людъ. При этомъ присутствовало и духовенство. Но вотъ, какъ то однажды, не дождавшисъ оленя и гуся, убили взамѣнъ ихъ священнаго быка (что это былъ за священный быкъ?—разъяснить мнѣ

¹⁾ „Живая Старина“ 1892 г., вып. III, стр. 111 и 112.

этого никто не могъ.), вдругъ прибѣгаетъ олень и прилетаетъ гусь и, увидавъ, что въ жертву вмѣсто нихъ принесли быка, осердились и когда хотѣли ихъ поймать, то они исчезли совсѣмъ, какъ-бы и не бывало ихъ. Съ тѣхъ поръ олень и гусь больше ни разу не показывались. Но колотъ быковъ ко дню этого праздника вошло въ обычай и лишь въ послѣднее время священникъ запретилъ имъ дѣлать это, и теперь варится одно лишь пиво.

Въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Охтомицѣ и Мехреньгѣ, по преданію, прилетать въ это время не гусь, а глухарь, т. е. глухой тетеревъ, но олень и тамъ фигурируетъ обязательно, какъ это увидимъ ниже.

Изъ преданій мнѣ рассказали слѣдующее: около дер. Кревцы, при впаденіи р. Кавкалы въ Мошинское озеро, на берегу Медвѣжьяго ручья есть насыпь, при распашкѣ которой находили человѣческіе черепа и др. кости; предполагаютъ, что тутъ было чудское кладбище. Сказочникъ Макаровъ увѣрялъ меня, что онъ самъ видалъ эти черепа.

Затѣмъ, въ 3-хъ верстахъ отъ деревни Федоровской, на берегу рѣки Лухты есть курганъ среди пожни и видно, что онъ руками насыпанъ, а не отъ природы созданъ, такъ какъ вокругъ него мѣсто все ровное. Здѣсь, по преданію, тоже жила чуждъ. Вообще, о пребываніи здѣсь чуди преданій много.

Изъ суевѣрій я слышалъ слѣдующее: если желаешь идти въ лѣсъ и тамъ ночевать, то наканунѣ не слѣдуетъ сообщаться съ женой или подругой, а то нечистый духъ задушитъ въ лѣсу, ибо онъ не любитъ „поганыхъ“. Но если это такъ или иначе случилось и тебѣ необходимо ночевать въ лѣсу, то подъ сидѣніе или подъ лежаніе свое клади топоръ, остриемъ наружу, тогда нечистая сила тебя не тронетъ, но безъ топора не ложись.

Записавши еще слова и выраженія мѣстнаго говора и нѣсколько пословицъ, мы порѣшили ѣхать въ „Воезеро“.

Оказалось, что при Правленіи въ дер. Фатьяновской одинъ крестьянинъ содержитъ пару лошадей по найму отъ содержателя станціи, спеціально для отвоза изъ Правленія на Мошинскую станцію разнаго „начальства“ и, хотя мы не принадлежали къ числу начальствующихъ лицъ, но за хорошую плату онъ съ удовольствіемъ согласился доставить насъ туда (3 или 4 версты). Жарилъ онъ своихъ лошадей, какъ и нашъ первый ямщикъ „Сѣмка“ Манушкинъ, напропалую и все время пришлось просить его ѣхать потише, но онъ, желая заполучить на „чайкъ“, не обращалъ вниманія на наши просьбы.

На земской станціи въ Воезерѣ я хотѣлъ было разыскать сказочника и заняться записываніемъ сказокъ и пр., но изъ разговора съ хозяиномъ дома узналъ, что въ Ёлгомѣ скоро будетъ „пивной“ праздникъ (18-го Августа), и такъ какъ она входила въ маршрутъ нашего путешествія, то мы и рѣшили использовать до-праздничное время,—сначала съѣздить туда, а на обратномъ уже пути побывать въ Мехреньгѣ и Воезерѣ.

Свернувши съ Шенкурскаго тракта, болѣе или менѣе благоустроеннаго, дорога стала узкою и опасною для ѣзды.

Мосты по этой дорогѣ прямо въ невозможномъ состояніи и чтобы проѣхать по нимъ, нужна большая хитрость ямщика. Напр. черезъ рѣку Канакшу, довольно широкую, мостикъ построенъ просто изъ жердей, очень высокій и узкій, къ тому же еще не обнесенъ и перилами, такъ что пристяжную лошадь пришлось отпрягать и проводить подъ уздцы, а мы сами, конечно, перешли пѣшкомъ. Другой-же мостъ черезъ какой-то ручей представляетъ собою верхъ архитектурнаго искусства (наизнанку, конечно). Представьте себѣ, что наложено поперекъ ручья круглыхъ бревенъ и надо ѣхать не поперекъ, а вдоль по нимъ, а чтобы колеса не провалились межъ бревенъ, накидано хвои: вотъ и весь мостъ!

По лѣвую сторону все время стоитъ громадный лѣсъ преимущественно сосновый, а по правую лентой вьется рѣка Канакша, дорога-же чуть-чуть змѣится среди этихъ деревьевъ—гигантовъ и рѣчекъ. Мѣстами видны слѣды порубокъ, но рубятъ здѣсь самые крупные сорта бревенъ, напр. не менѣе 6 $\frac{1}{2}$ в. въ верхнемъ отрубѣ, причемъ каждое бревно выходитъ 10-12-ти аршинъ въ длину.

Сплаваются бревна къ Архангельску.

Пока было свѣтло, по лѣвой сторонѣ дороги (по правой, какъ уже сказано, все время тянулась рѣка Канакша), то и дѣло виднѣлись цѣлыя гнѣзда боровиковъ, груздей, волнушекъ и др. грибовъ и ямщикъ нашъ „Пешка“ (Петръ), какъ онъ самъ себя называлъ, любовался ими и объяснялъ намъ, какой грибокъ и какъ онъ у нихъ называется. Оказывается, напр., что боровики у нихъ называютъ „боровыми рыжиками“, а грузди „груздѣвыми рыжиками“, волнушки „рыжикъ—волменцы“ и т. д., но настоящаго рыжика здѣсь во всей мѣстности не растеть. Ыдятъ ихъ только въ соленомъ видѣ. Наберутъ всѣхъ сортовъ этихъ, какъ они говорятъ, „рыжиковъ“, искрошатъ намелко и круто осолятъ, не отваривая ихъ въ водѣ и примѣшивая еще туда смородиноваго листу для „скуса“.

Кстати сказать, на обратномъ пути, въ дер. Охтомицѣ, мы пробовали эту смѣсь, принесенную намъ этимъ-же „Пешкой“, но ихъ кушанье намъ очень не понравилось: что-то кисло-горькое получается, а они ѣдятъ съ большимъ удовольствіемъ.

Наконецъ-таки дотащились мы и до Ёлгомы, конечнаго пункта нашего путешествія, и остановились въ дер. Средняя Горка, у крестьянина Ивана Уварова, въ его обширной и свободной избѣ, гдѣ раньше помѣщалась школа, но теперь она переведена въ другую квартиру.

Самого хозяина дома не было: уѣхалъ въ Архангельскъ, а оставались въ домѣ лишь хозяйка и сынъ ея Александръ со своей молодой женой. Чтобы чѣмъ-нибудь объяснить имъ цѣль нашего пріѣзда, мы сказали, что пріѣхали покупать старинныя вещи. Это ихъ не удивило, такъ какъ „владимірцы“ давно уже изрѣдка пріѣзжаютъ къ нимъ за этимъ дѣломъ и все, что достойно вниманія изъ древностей, давно уже вывезено

ими отсюда и при томъ за крайне дешевую цѣну. Но такое наше объясненіе, по крайней мѣрѣ, успокоило нашихъ хозяевъ и цѣль нашего пріѣзда сюда была имъ понятна. А такъ какъ дѣло было передъ праздникомъ, то не успѣли мы на другой день встать съ постели, какъ уже цѣлая толпа женщинъ и мужиковъ изъ этой деревни дожидалась насъ, принеся съ собою что-либо изъ старины. Главнымъ образомъ изъ церковныхъ вещей приносили мѣдные и деревянные кресты и иконки-складени, а изъ вещей домашняго обихода—головные уборы, извѣстные здѣсь подъ именемъ: „сорокъ, сорочекъ“, „здерихъ“, „перевязи“; изъ одежды: штофники и атласники, сарафаны, которые носятъ тамъ и до сихъ поръ. Волей-неволей мнѣ пришлось часть купить, по пословицѣ: „назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ“.

Провозившись со „старьемъ“ до полдня, мы попросили хозяйку „по-кормить и насъ малость“. Каково-же наше было удивленіе, когда она принесла намъ обѣдъ, состоящій изъ щей съ тетѣркой, а на жаркое—свѣжіе рябчики. Оказывается, что здѣсь въ это время года питаются рыбою и грибами, а говядины ни за какія деньги не найти; поэтому-то на скромный столъ бьютъ тетеревей и рябчиковъ, которыхъ здѣсь такъ много, что крестьянину ничего не стоитъ сходить за поле и настрѣлять ихъ сколько надо, и, такимъ образомъ, пища изъ дичи у нихъ въ это время года—наиболѣе дешевая. Однако, щи изъ тетерокъ намъ скоро „пріѣлись“ и мы заказали уху изъ свѣжей рыбы, но отъ рябчиковъ, конечно, не отказались.

Рыбы здѣсь въ Ёлгомскомъ озерѣ, находящемся возлѣ самой деревни, очень много, но рыболовства, какъ промысла, также, какъ и въ Мошѣ, не существуетъ: каждый ловить только для своей „потребы“. Озеро имѣетъ 2 версты въ длину, а шириною около одной версты, но мѣстами нѣсколько болѣе. На срединѣ оно очень глубоко. Ловятъ рыбу сѣтями, а большей частью вершами или, по мѣстному „мордами“, для чего на устьѣ рѣчекъ, впадающихъ въ озеро, называемыхъ: „Анна“ и „Чокша“ (эта послѣдняя беретъ свое начало изъ озера Чокшинскаго) забиваютъ „заѣздки“ и въ проходы для рыбы становятся верши. Рассказываютъ, что весною, во время метанія икры, на мелкія мѣста выходитъ такъ много рыбы (главнымъ образомъ лещей), что хотъ „рукой бери“, прямо идетъ „стѣной“ и нѣкоторые изъ лещей даже выпираются массою на поверхность воды. Въ это время, среди бѣла-дня ее прямо съ берега колютъ острогой.

Послѣ обѣда спросили хозяевъ: не знаютъ-ли они здѣсь по близости какого нибудь сказочника? Сказочникъ оказался въ этой-же деревнѣ, онъ приготавлился къ варкѣ сусла и пива къ празднику. Но когда я послалъ за нимъ, онъ пришелъ. Это крестьянинъ дер. Средней Горки—Александръ Быковъ, лѣтъ отъ 45-ти до 50-ти. Изъ разговора я узналъ, что онъ въ молодости тоже ходилъ „бурлачить“ и бывалъ даже на нашей рѣкѣ; когда онъ узналъ, что и я оттуда, охотно согласился рассказать свои сказки. Такимъ образомъ, р. Кубина и на этотъ разъ выручила меня. Сказкамъ онъ научился тоже при рубкѣ и возкѣ зимою лѣса и тоже въ истопкахъ;

чтобы скоротать длинную ночь, кто-нибудь из старших в артели обязательно каждый вечер рассказывал сказки.

Просидели мы с Быковым в этот вечер до полночи и успели записать две сказки.

На-утро, т. е. 14 Августа, поевши за чаем горячих „алабушек“ (маленькие пирожки из гороховой муки, смешанной с толченым картофелем), мы с сыном отправились на „поповку“—знакомиться с местным священником.

При входѣ на „поповку“ насъ прежде всего поразила скудость, такъ сказать, строеній. Какой-то двухэтажный полуразвалившійся домъ стоитъ направо отъ церкви съ маленькими окнами въ переплетахъ, со дворомъ позади или, вѣрнѣе сказать,—двѣ избы, какъ у захудалого крестьянина, верхняя и нижняя. Первая для лѣта, вторая для зимы.

Наискось отъ него, у самага кладбища находится маленькая келейка въ 3 окна, а затѣмъ—не то сторожка, не то банька—вотъ и все. Ни памятниковъ, ни ограды вокругъ церкви—ничего подобнаго нѣтъ, тутъ да индѣ торчитъ какой нибудь покосившійся крестикъ, а больше всего маленькіе бугорки и межъ церковокъ и у келейки, напоминающіе, что здѣсь покоятся тоже когда-то жившіе на свѣтѣ люди... Печально и больно о такой памяти людей!..

Но вотъ насъ, бродящихъ тутъ, замѣчаетъ священникъ, живущій въ этомъ полуразвалившемся двухэтажномъ домѣ (въ келейкѣ, оказалось живетъ псаломщикъ, а въ банѣ—сторожъ, хотя тутъ, казалось бы, и сторожить-то нечего); онъ выходитъ на крыльцо и любезно приглашаетъ посѣтить его жилище.

Входимъ и знакомимся: я называю себя, а онъ рекомендуется—„здѣшній священникъ Алексѣй Васильевичъ Виноградовъ“. Обстановка дома вполне соответствуетъ его наружному виду: простой, обтянутый ситцемъ, диванчикъ, вроде скамьи, два—три стула, два стола—вотъ и вся мебель. Въ комнатѣ очень низко и темно, налѣво отъ дверей—переборка, отдѣляющая кухню и, въ то же время, спальню отъ общей избы. На стѣнахъ развѣшены нѣсколько фотографическихъ портретовъ монашествующихъ лицъ, въ томъ числѣ—одинъ архіерейскій.

Священникъ проситъ насъ садиться за столъ, на которомъ шипитъ—свиститъ во всѣ „завертки“ огромнѣйшій самоварище. О. Алексѣй кладетъ въ чайникъ кофе вмѣсто чаю и когда онъ поспѣваетъ, наливаетъ его также, какъ чай, въ разнокалиберныя чашки и подаетъ мнѣ самую большую, но я отказываюсь и беру поменьше. Въ это время прислуга приноситъ и ставитъ на столъ такія-же „алабушки“, какія намъ подавали въ деревнѣ и, кромѣ того, какое-то домашнее печеніе, вроде засушеннаго и смешаннаго съ сахаромъ соломата ¹⁾, очень вкусное.

¹⁾ Соломатъ дѣлается такъ: кладутъ въ соленую, горячую воду толкна до полной густоты и, подливъ и размѣшавъ въ этомъ тѣстѣ масло,—ѣдятъ ложками.

Сидя за кофе, священник повѣдалъ намъ, что онъ недавно овдовѣлъ и имѣетъ дѣтей, которыхъ на-дняхъ отправилъ въ учебныя заведенія въ Петрозаводскъ, и теперь живетъ вдвоемъ съ прислугой.

Приходъ его—Ёлгома—бѣдный, состоитъ всего изъ 4-хъ деревень: Средней Горки, Щелупихи (или Нижней Горки), Дворца и еще, забыль, какой-то. Во всѣхъ этихъ деревняхъ только 100 домовъ. На доходы отъ такого прихода, конечно, нечего и рассчитывать, приходится жить исключительно на жалованіе, котораго онъ получаетъ 420 руб. въ годъ, но и оно чуть-ли не все уходитъ на воспитаніе дѣтей. Поэтому приходится самому работать по хозяйству. Ему около 45-ти лѣтъ. Въ Ёлгому онъ попалъ, или какъ онъ выразился, „сосланъ“ очень недавно изъ-за какихъ-то „неладовъ“ съ консисторскимъ начальствомъ. Но онъ не падаетъ духомъ и „обжился“ уже здѣсь. Одно лишь его беспокоитъ: это—помѣщеніе, въ которомъ онъ живетъ (домъ церковнаго попечительства).

Домъ этотъ настолько старъ и гниль, что долше жить въ немъ положительно невозможно. Балки, поддерживающія потолокъ („матицы“) уже вышли изъ своихъ гнѣздъ и надо ждать, что потолокъ вотъ-вотъ обрушится на головы находящихся въ комнатѣ.

Крыша на домѣ сгнила, такъ что при дождѣ всюду появляется течь.

Углы дома тоже сгнили, отчего зимою въ комнатѣ бываетъ такой морозъ, что приходится, по словамъ о. Алексѣя, быть всегда въ шубѣ и грѣться около самовара.

Точно также и зимняя церковь, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, считающаяся самой древней во всей округѣ,—совершенно разваливается. Въ ней уже не только балки выѣхали изъ гнѣздъ, но одна изъ нихъ (надъ престоломъ) даже треснула и еле-еле держится.

Денегъ-же въ приходскомъ попечительствѣ накоплено для переустройства или хотя бы на подведеніе подъ церковь фундамента только еще 500 рублей. Ихъ не хватитъ на одно что-нибудь: на фундаментъ подъ церковь и переборку потолоковъ въ ней, или на перестройку дома. Такимъ образомъ, передъ священникомъ встала такая альтернатива: если домъ перестроить, то въ церкви задавить, если церковь исправить на эти деньги, то дома задавить. Другого выхода нѣтъ, потому что богатыхъ людей, которые бы помогли, въ приходѣ тоже нѣтъ. Онъ тщетно взываетъ о помощи по начальству и всегда получаетъ отвѣтъ: „изыскивайте“ свои средства, а духовная консисторія даже категорически, будто-бы, запретила производить перестройку этой церкви, ради сохраненія древняго стиля. Да оно и понятно: церковь эта, дѣйствительно, по архитектурѣ своей заслуживаетъ того, чтобы сохранить ее въ полной неприкосновенности.

Но какъ это сдѣлать, не имѣя на то средствъ? Очевидно было для насъ, что надо теперь-же, пока она окончательно не рухнула, приподнять середину и устроить кирпичный фундаментъ подъ всю церковь, затѣмъ надо перебрать потолоки и замѣнить треснувшія балки новыми.

Куполь ея („луковицей“) сдѣланъ изъ толстыхъ сосновыхъ 7-и и 8-и-вершковыхъ брусевъ и своею тяжестью вдавилъ всю средину церкви

глубоко въ землю, отчего даже и окна въ ней покосились, да и, вообще, вся она накануне развала.

Но чтобы исправить это, нужно не менѣе 1000 руб., а ихъ-то и нѣтъ у попечительства и взять негдѣ.

Поэтому о. Алексѣй даже и меня просилъ упомянуть въ своихъ запискахъ объ ихъ нуждѣ, въ надеждѣ, не найдутся-ли гдѣ-нибудь въ Россіи, добрые люди, которые-бы оказали эту помощь ради сохраненія древняго храма ¹⁾).

Охотно исполняю его просьбу и симъ свидѣтельствую, что помощь здѣсь крайне необходима и очень желательна.

Войдя внутрь церкви, мы были поражены ея состояніемъ: потолокъ прямо нависъ надъ головой и весь покривился, а балка надъ лѣвымъ алтаремъ почти совсѣмъ переломилась.

Алтарей два, очень маленькіе и крайне скудно обставленные иконами; но всѣ иконы—древняго письма. Особенно выдается одна художественностью письма, это—образъ Іоанна Богослова, за которую, къ слову сказать, какой-то „старьевщикъ—владимірецъ“ давалъ священнику 500 руб., но, конечно, о. Алексѣй съ презрѣніемъ отвергъ предложеніе о продажѣ. По словамъ о. Алексѣя, здѣсь прежде было очень много древностей, такъ какъ неподалеку отсюда, а именно около деревни, именуемой почему-то „Дворецъ“, стоялъ издревле Спасскій монастырь, основателемъ котораго, по преданію, былъ какой-то москвичъ Тарасъ, принявшій здѣсь схиму.

Уничтоженъ этотъ монастырь въ 1612 г. ²⁾) и всѣ древности его перенесены были въ эту церковь. Но, къ сожалѣнію, говоритъ о. Алѣксѣй, мои предшественники здѣсь были люди пьющіе и потому часто продавали разную древность скупщикамъ. Такъ, напр., ему извѣстно, что былъ здѣсь подсвѣчникъ изъ слоновой кости, который проданъ прямо за безцѣнокъ. Теперь изъ древностей сохранилась лишь царская жалованная грамота Михаила Ѳеодоровича и два оловянныхъ подсвѣчника, на которыхъ изображенъ русскій гербъ—двухглавый орелъ, что показываетъ на царскій подарокъ.

Осмотрѣвъ и внутренность церкви, мы, поблагодаривъ о. Алексѣя за его вниманіе и обѣщая на утро придти къ обѣднѣ (на завтра былъ праздникъ Успенія Пр. Богородицы) и осмотрѣть попутно, сравнительно, новую деревянную-же церковь, въ которой служба бываетъ только лѣтомъ,—пошли обратно въ деревню.

Тамъ насъ уже ждалъ сказочникъ Быковъ и другіе крестьяне, принесшіе кое-что изъ старины. Начали опять записываніе сказокъ, а крестьяне, бывшіе тутъ, долго не уходили, все прислушиваясь къ сказкамъ и, время отъ времени, дѣлая свои замѣчанія.

¹⁾ Когда печаталась эта статья, о. Алексѣй уже получилъ откуда-то 300 р. на это дѣло, о чемъ и сообщалъ мнѣ.

²⁾ Прошу читателя не приурочивать закрытіе монастыря къ смутѣ всероссійской. Закрытіе здѣсь произошло вслѣдствіе внутренняго распорядка: разврата монаховъ, какъ говоритъ преданіе.

Очевидно, ихъ очень интересуютъ сказки, да и сказочникъ-то къ тому-же былъ мужикъ ловкій: онъ иногда дѣлалъ такія юмористическія гримасы, что невольно засмѣешься.

На-утро, 15-го Августа, попивъ чайку и закусивъ на этотъ разъ „листовикомъ“ (пирогъ—„житникъ“, который пекутъ изъ ячной муки на капустномъ листѣ, отчего онъ и называется „листовикъ“), мы отправились къ обѣднѣ; но, увы! когда пришли, обѣдня ужъ кончилась и мы застали только выходъ прихожанъ изъ церкви. Прихожанъ было очень немного и все однѣ женщины, несмотря на то, что праздникъ былъ большой.

Объясняется это тѣмъ, что мужчины были заняты приготовленіемъ къ варкѣ сусла.

Священника мы застали еще въ церкви и онъ показалъ намъ ее. Она была такъ же мала, какъ и зимняя, даже еще меньше той и такъ же бѣдна иконами, но которыя всѣ были стариннаго письма. Одна изъ нихъ—явленная, считающаяся „чудотворною“, это „Положеніе ризы Пр. Богородицы во Влахернѣ“. Явилась эта икона подъ деревомъ черемухой, теперь уже посохшей, возлѣ церковнаго колодца.

Впослѣдствіи, тутъ была воздвигнута маленькая часовенка.

Въ субботу, передъ днемъ Св. Троицы, сюда ежегодно бываетъ паломничество богомольцевъ довольно изъ далекихъ мѣстъ, особенно больныхъ, чающихъ получить отъ явленной иконы исцѣленіе.

Къ числу чудотворныхъ принадлежитъ здѣсь одинъ изъ колоколовъ на особо выстроенной, тоже деревянной, колокольнѣ.

Къ нему прибѣгаютъ лишь тѣ, у которыхъ болятъ зубы и, погрызши этотъ колоколь, они получаютъ исцѣленіе. Такова вѣра.

Вѣра въ это должно-быть очень сильна въ народѣ, потому что когда мы залѣзли на колокольню и осмотрѣли этотъ колоколь, то оказалось, что бока его почти всѣ изгрызены зубами, въ особенности края колокола искусаны и изгрызены чуть-ли не до дыръ.

На колоколѣ имѣется слѣдующая надпись на латинскомъ языкѣ: „Argenteav abbas ihi Nomen iudoci dedit RDC ab 1641“. На крайнемъ слѣва тоже есть надпись на латинскомъ-же языкѣ слѣдующаго содержанія: „Me fecit Saventriae anno 1631 henrich ter Horst“.

Подписи эти отлиты, а не вырѣзаны.

На слѣдующій день, т. е. 16-го Августа, мы всецѣло занялись записываніемъ сказокъ Быкова, лишь не надолго сходили къ поварнѣ, гдѣ варятъ сусло. „Поварни“ здѣсь устраиваются по-за-деревнѣ; онѣ состоятъ изъ бревенчатаго сруба въ три стѣны, съ четвертой-же стороны—открыто: тамъ помѣщаются огромные чаны и надъ каждымъ—колода для стока сусла. Котлы для кипяченія воды, а также и „метельная“ груда камней—находятся внѣ поварни, на открытомъ мѣстѣ. Камни въ метельной грудѣ раскаливаются огнемъ до-красна и ихъ, по мѣрѣ надобности, кладутъ въ чаны съ солодомъ, чтобы не „оквасить“ сусло.

Весь остальной день и вечеръ (до 2 час. ночи) мы записывали сказки Быкова, такъ-какъ порѣшили назавтра уѣхать отсюда.

Однако, Быковъ зналъ такъ много сказокъ, что весь его сказочный матеріалъ исчерпать намъ все-же не удалось.

Скажу нѣсколько словъ объ одеждѣ „Ёлгомжанъ“.

Въ будни мужчины ходятъ въ холщевыхъ рубахахъ и портахъ, а верхней одеждой служатъ зипунъ изъ холста-же, окрашеннаго въ синій цвѣтъ (сандаломъ). Ситца почти совсѣмъ здѣсь нѣтъ, но „кумачъ“ уже проникъ и сюда.

Осенью такіе зипуны или армяки дѣлаются изъ домашняго холста или сукна и бываютъ очень теплые; изъ этого-же холста шьются „коротейки“ для женщинъ.

Зимою, конечно, носятъ полушубки изъ своихъ-же овчинъ.

Что касается добыванія средствъ къ жизни, то здѣсь, какъ и въ Мошѣ и др. мѣстахъ, главнымъ промысломъ является: земледѣльство, охота, рубка лѣсу и сплавъ его. Никакихъ особыхъ промысловъ здѣсь нѣтъ.

Чтобы покончить съ Ёлгомой, укажу на одну замѣченную мною особенность въ религіозномъ отношеніи, это—особенно сильное почитаніе Св. Николая Чудотворца, образъ котораго обязательно находится въ каждомъ домѣ и вмѣстѣ съ нимъ, неизбѣжно, мѣдный или деревянный крестъ съ распятіемъ Иисуса Христа. Другихъ иконъ почти нѣтъ, кромѣ, развѣ лишь небольшихъ мѣдныхъ иконокъ—„складней“.

Распроставшись съ хозяевами, мы 17-го Августа въ 12 ч. дня выѣхали изъ Ёлгомы обратно въ Канакшу (приходъ Воезерской волости).

Подѣзжая къ первой деревнѣ Канакшинскаго прихода, замѣчаемъ, что на высокомъ и обрывистомъ берегу р. Канакши (которую пришлось переѣзжать въ бродѣ) находится небольшая полуразрушенная часовенка и при ней приходское кладбище; мѣстная-же церковь во имя Св. Троицы находится на 1½ версты далѣе.

Кладбище это представляетъ собою тоже очень грустную картину,— съ маленькими, покривившимися крестиками надъ могилами покойниковъ; но здѣсь хоть, по крайней мѣрѣ, утѣшительно то, что оно обнесено изгородью, не такъ, какъ въ Ёлгомѣ или Мехренгѣ, какъ увидимъ ниже.

Оставивъ лошадей въ деревнѣ, мы отправились пѣшкомъ къ церкви, чтобы осмотрѣть имѣющіяся тамъ древности, о которыхъ намъ говорили въ Ёлгомѣ. Но священникъ оказался боленъ, а потому, не видавъ желаемого, принуждены были ѣхать дальше, къ дер. Охтомицѣ. Подѣзжая къ этой послѣдней (на Шенкурскомъ уже трактѣ), мы замѣтили какой-то большой деревянный амбарище, который до того былъ ветхъ, что даже боязно было къ нему подходить, причѣмъ крыша на немъ не только сгнила, но мѣстами обросла даже мохомъ и такъ густо, какъ на болотѣ. Оказалось,— это общественный запасный хлѣбный магазинъ. Принимая во вниманіе, что надѣлъ здѣсь 72 десятины на душу и въ немъ встрѣчаются такіе лѣса, что выходитъ по 3 бревна изъ одного дерева,—совершенно непонятною становится такая небрежность крестьянъ къ своему дѣлу—обезпеченію

себя хлѣбомъ на случай неурожая и портить его въ такомъ помѣщеніи. Невольно воскликнешь: „О, Русь! это ты!..“

Въ Охтомицѣ вечеромъ собралось къ намъ довольно много мужиковъ и бабъ съ предложеніемъ купить у нихъ разную старину; но я купилъ только 2 полотенца съ вышивкой и одну „сороку“, а отъ иконъ и крестовъ отказался: у меня ужъ и такъ ихъ довольно много накопилось.

Здѣсь иконы и кресты предлагались, большею частью, деревянные, но одинъ крестьянинъ меня крайне заинтересовалъ, сказавши, что у него есть очень старинная—каменная (т. е. вырѣзанная на камнѣ) икона. Я попросилъ его принести и показать эту икону. Приносить и что-же?— Оказалось, что это небольшая могильная плита, на которой вырѣзанъ крестъ и подъ нимъ надпись на славянскомъ языкѣ: такого-то года, мѣсяца и числа (1700 съ чѣмъ-то) „скончался иннокъ схимникъ Ефимъ“. Очевидно, кто-то и когда-то стащилъ эту плиту съ кладбища или нашель послѣ раззореннаго въ Ёлгомѣ монастыря и, принявъ ее за икону, унесъ домой, поставилъ на „божницу“ и съ тѣхъ поръ молятся ей, какъ святынь.

Здѣсь тоже существуютъ преданія о чуде. Такъ, говорятъ, что на р. Пуѣ, въ 20-ти верстахъ отъ дер. Охтомицы жила „досель“ чудъ, причемъ слѣды этого жилья замѣтны и теперь: есть каменки.

Утромъ 18-го августа мы были уже въ Мехреньгѣ. Дорога туда оказалась такою-же холмистой и такой-же узкой, какъ и въ Ёлгому и на пути всюду попадались озерки, изъ которыхъ нѣкоторые были очень миніатюрны и очень живописны, какъ, напр., около дер. Заозерья.

Не доѣзжая 1¹/₂ или 2-хъ верстъ до Мехреньги, вдругъ видимъ, что возлѣ самой дороги, среди сосноваго бора, стоятъ кресты, ничѣмъ не огороженные. На нашъ вопросъ: „что это такое?“, ямщикъ отвѣчаетъ: „Мехреньгское кладбище“.

Но какое убожество, какая небрежность на памяти людей, когда видимъ, что тутъ-же ходитъ и скотъ. Мало того, когда смотришь на кресты, то прямо поражаешься убожествомъ ихъ.

Представьте себѣ, что много есть такихъ, самаго примитивнаго устройства: воткнуть колъ въ могилу, расщепятъ на верху и сунуть въ эту расщеплину поперечную палку—вотъ вамъ и крестъ. Это при такомъ обилии-то лѣсовъ?..

Но вотъ мы и въ Мехреньгѣ.

Мехреньга.

Остановились мы въ дер. „Паль“ (пишется—Алферовская) у крестьянина Василя Кирсанова, изъ разговора съ которымъ узнали, что сегодня, по сосѣдству, въ дер. Гришинской праздникъ, на которомъ „фрولاتъ“.

Обычай „фроленія“ былъ намъ извѣстенъ изъ рассказовъ стариковъ. Напр., я зналъ, что существовалъ онъ нѣкогда и въ селѣ Троицко-Енальскомъ, Кадниковскаго уѣзда, но тамъ онъ давно уже прекратился и видѣть это „дѣйство“ намъ не приходилось. Понятно, съ какою поспѣшностью мы отправились туда съ сыномъ.

Дер. Гришинская была „съ поля на поле“ отъ дер. „Паль“, итти, слѣдовательно, пришлось только нѣсколько минутъ. Подходя къ деревнѣ, мы издали еще замѣтили какое-то необыкновенное движеніе на улицѣ и массу народа, а когда подошли къ самой деревнѣ, то увидали, что навстрѣчу намъ, что есть духу, мчится улицей отъ часовни цѣлая толпа людей верхомъ на лошадяхъ (человѣкъ 50—60); тутъ были и старики, съ развѣвавшимися отъ вѣтра сѣдыми волосами, и пожилые, и мальчики, даже въ толпѣ было нѣсколько женщинъ, мчавшихся съ обнаженными головами. Вся эта кавалькада мчалась изъ деревни на лугъ, а тамъ, повернувъ лошадей, опять ѣхала въ деревню; при этомъ въ ней царилъ полный безпорядокъ: попадались встрѣчные, сталкивались, то и дѣло опрокидывались на землю, затѣмъ снова вскакивали на своихъ коней и „опрометью“ мчались дальше. Зрѣлище, дѣйствительно, замѣчательное.

Все это «дѣйство» происходило во время молебствія въ часовнѣ. Какая цѣль этого обычая—намъ такъ и не удалось узнать. Конечно, я знаю, что день Фрола и Лавра считается, преимущественно, праздникомъ лошадинымъ (если можно такъ выразиться), потому что св. Фролъ считается у народа покровителемъ и оберегателемъ домашняго скота, но для чего-же эта безумная скачка?

Чтобы повеселить, что-ли святого, какъ это дѣлается въ Ильинъ день? Вѣроятно такъ. Награду хозяину или хозяйкѣ самой быстрой лошади служить только похвала со стороны зрителей, «что у тя, братъ, всѣхъ лучше лошадка-та»...

Мы вошли въ часовню, когда уже служба кончалась. По окончаніи, священникъ о. Петръ Красновскій подошелъ къ намъ и поздоровался. По словамъ его, эта часовня раньше, еще до образованія въ Мехреньгѣ самостоятельнаго прихода, служила церковью, почему и снабжена колоколами. Приходъ здѣсь устроенъ очень недавно (раньше-же онъ служилъ въ Воезерскомъ приходѣ) и выстроена новая церковь во имя Николая Чудотворца. Въ часовнѣ есть очень древняя икона, это—картина Страшнаго Суда точно такая-же, какую я видѣлъ въ Верхопежемской церкви Вельскаго уѣзда.

Вмѣсто паникадила здѣсь передъ иконою ставятся на табуретку деревянные подсвѣчники самага примитивнаго устройства: это просто деревянный брусокъ, на поверхности котораго имѣется 6 углубленій, куда и ставятъ свѣчки,—вотъ и все его устройство.

Кромѣ подсвѣчниковъ, на полкахъ возлѣ стѣнъ находится много и другихъ деревянныхъ предметовъ мѣстнаго издѣлія, напр. бадейки для меду, деревянные-же бокалы и т. п.

Затѣмъ, по приглашенію о. Петра «откушать» у него чаю, мы отправились къ нему. Итти пришлось черезъ поле, по срединѣ котораго и выстроена новая приходская церковь, обнесенная хорошею желѣзное рѣшеткой—оградой.

Рѣшетка эта обошлась болѣе 1000 руб. и деньги за нее до сихъ поръ еще не выплачены приходомъ. При такой бѣдности и такая роскошь намъ

показалась уже чѣмъ-то ненормальнымъ: вѣдь она обошлась приходу чуть-ли не дороже самой церкви! При обилии лѣсовъ и дешевизнѣ труда, можно бы сдѣлать на эту сумму двѣ деревянныхъ, на каменномъ фундаментѣ, ограды: вокругъ церкви и вокругъ кладбища, которое, какъ сказано, находится въ сосновомъ бору и не обнесено даже изгородью.

Наконецъ, мы пришли къ дому священника; это—одноэтажный, но довольно просторный домъ, выстроенный приходомъ, какъ и домъ для псаломщика, которымъ здѣсь состоитъ мѣстный крестьянинъ,—сынъ нашего квартирнаго хозяина Кирсанова.

Сидя за чайкомъ, мы разговорились со священникомъ о древностяхъ и онъ принесъ показать намъ рукописное евангеліе—довольно объемистую книгу въ бархатномъ переплетѣ. Она тщательно переписана на толстой бумагѣ и, судя по начертанію буквъ, переписку ея надо отнести къ концу XVIII или началу XIX вѣка. По словамъ о. Петра, когда онъ въ молодости (теперь ему около 60 лѣтъ) поступилъ на службу въ Воезерскій приходъ, то во всей мѣстности не было ни стакановъ, ни рюмокъ стеклянныхъ, а все было деревянное; «да и чай-то тогда, говоритъ, здѣсь не пили, а пили только квась да пиво». Одна изъ деревянныхъ рюмокъ у него сохранилась и до сихъ поръ и онъ охотно уступилъ ее намъ.

Одежда мѣстныхъ жителей была вся домашняго приготовленія—изъ своего холста и сукна; ни ситцу, ни кумачу не было, «да, впрочемъ, говорить попадаья (она, по происхожденію, мѣстная крестьянка) и теперь больше все домашнее носятъ, но только ни рубахъ, ни портовъ не вышиваютъ». Раньше-же вышивки были въ модѣ и въ праздники дѣвицѣ показаться передъ людьми не въ вышитой рубашкѣ—считалось стыдомъ, это значило—показать свое неумѣніе. Чтобы дать намъ понятіе о прежнихъ узорахъ вышивокъ, «матушка» принесла свою рубашку, въ которой она вѣнчалась съ «попомъ». Вышивка, дѣйствительно, оригинальная: какіе-то курочки и крестики; имѣлась она на плечахъ, на груди, рукавахъ и по подолу. Но станъ у рубашки шить изъ очень грубой и толстой холщины, чуть не въ палецъ толщиной. О. Петръ улыбается и говоритъ намъ, что «вотъ прежде и попадаи даже носили какую дерюгу»!

По словамъ о. Петра у нихъ въ приходѣ еще до сихъ поръ очень мало колесъ и хлѣбъ съ полей убираютъ на саняхъ.

Въ этомъ, въ послѣдствіи, мы убѣдились и сами. Конечно, такая уборка хлѣба возможна только съ ближайшихъ полосъ къ деревнѣ или, вѣрнѣе, къ гумну, которое всегда находится по-за-деревнѣ.

Въ отдаленныхъ-же отъ деревни полосахъ или въ полянкахъ хлѣбъ укладывается на мѣстѣ, до перваго «снѣжку»: рожь кладется въ «копны» (скирды), а овесъ—въ «прясла». Скирды всѣмъ, кажется, извѣстны, а о «пряслахъ» считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Они устраиваются такъ, какъ и «промины» въ Кадниковскомъ уѣздѣ: втыкается въ землю нѣсколько жердей (вертикально), на разстояніи $1\frac{1}{2}$ аршина одна отъ другой, межъ ними кладется нѣсколько прутьевъ („подстилка“) и затѣмъ

пространство между жердями наполняется до-верху снопами овса, зернами внутрь.

Вотъ приблизительно устройство „прясла“:

Колеса хотя и существуютъ, но большей частью они мѣстнаго производства и очень тяжелы для перевозки чего-бы то ни было. Устройство ихъ до смѣшного просто: отъ толстой сосны (напр. вершковъ въ 20 въ диаметръ) отпиливаются два кружка, шириною около 3-хъ или 4-хъ вершковъ, въ срединѣ ихъ продалбываются дыры, куда вкладывается ось,—и колеса готовы. А для того, чтобы они не раскололись, обтягиваютъ ихъ, вмѣсто желѣзныхъ шинъ,—толстыми березовыми обручами (ободъ).

Такія колеса мы сфотографировали въ дер. Павловской.

Распрощавшись съ о. Петромъ и его любезной „матушкой“, мы отправились въ дер. „Паль“ на свою квартиру.

Желая записать здѣшнія сказки, мы стали подыскивать сказочника, но лучшей изъ нихъ, оказалось, ушелъ въ сосѣднюю деревню „пировать“, гдѣ варилось къ этому празднику пиво и, по словамъ нашего квартирнаго хозяина, раньше недѣли нельзя было и ожидать его возвращенія.

Такимъ временемъ мы не располагали. Пришлось ограничиться другимъ сказочникомъ, совершенно дряхлымъ старикомъ, да, вдобавокъ еще, глухимъ и слѣпымъ; онъ разсказалъ намъ лишь одну сказку, притомъ съ большими пропусками и потомъ заявилъ, что всѣ сказки перезабылъ.

Отъ нечего дѣлать, намъ опять пришлось заняться стариной, которой наносили очень много, но интереснаго для насъ въ ней оказалось мало и мы купили только одну сороку, нѣсколько поясковъ и икону, изображающую, кажется, „семь Вселенскихъ Соборовъ“ (по числу церковныхъ главъ, вырѣзанныхъ на деревѣ). Надпись на этой, очень старинной, иконѣ—какая-то странная, состоящая почти изъ однихъ согласныхъ буквъ, нѣсколько разъ повторяющихся.

Все это, какъ сказано, вырѣзано съ большой рельефностью.

Изъ преданій про старину намъ разсказали здѣсь слѣдующее.

О. Петръ Красновскій передалъ намъ легенду о происхожденіи слова „Войезеро“, гдѣ-то имъ слышанную. Оно происходитъ отъ чудскаго говора и раздѣляется на 2 части: „Вой“—вотъ, „езеро“—озеро, а отсюда и произошло названіе мѣстности „Войезеро“ (пишется: Воезеро), расположенной на берегу Спасскаго озера. Про названіе рѣчки „Воюшка“ онъ-же передаетъ такъ, согласно легендѣ: гуляли въ лѣсу двѣ чудскія дѣвушки, подошли къ рѣчкѣ и одна изъ нихъ увидала своего милаго, стоявшаго на берегу и воскликнула: „Вой-юшка“! (юшка—дружокъ), отчего и произошло названіе самой рѣчки—„Воюшка“.

Одинъ изъ крестьянъ разсказалъ намъ такое преданіе: около рѣчки „Тѣгры“ и озера Тѣгринскаго есть мѣсто, извѣстное и доннынъ подъ названіемъ „Стайнино“, гдѣ старовѣры сами себя лишили жизни. Это было въ „досельное“ время, когда преслѣдовали старообрядцевъ за ихъ религіозныя убѣжденія. Они-же, не желая сносить гоненій, выкопали глубокой ровъ,

поставили среди него столбъ, на который навалили жердей, расположивъ послѣднія отъ краевъ рва до столба радіусами. Поперекъ жердей наклали хвои и на нее набросали земли. Затѣмъ они сами залѣзли въ эту яму, подрубили столбъ и, такимъ образомъ, были заживо погребены обвалившейся землей. Это было зимою. А такъ какъ среди нихъ былъ трехлѣтній мальчикъ Николай Шевелевъ, котораго, съ одной стороны, имъ было жаль губить, а съ другой желательно, очевидно, было дать знать сосѣдямъ, жившимъ въ Мехреньгѣ, о своей гибели, то они, передъ самопогребеніемъ, запрягли лошадь въ сани, положили туда перину, а на нее мальчика, обложили сверху подушками, что бы онъ не замерзъ, крѣпко привязали все это веревками къ санямъ, направили лошадь по дорогѣ и охлестнули ее. Лошадь пришла въ деревню и благополучно привезла мальчика, уже полузамершаго; сосѣди увидали и отогрѣли ребенка. Это событіе было такъ давно, что теперь фамилію Шевелевыхъ имѣютъ чуть-ли не сотня домохозяевъ въ мѣстности.

По преданію, около озера Еменгскаго въ „досельное“ время жила чудь и до сихъ поръ сохранились слѣды пребыванія этого народа, на примѣръ, остатки погребовъ, въ которыхъ, какъ идетъ народная молва, находится кладъ, состоящій изъ кожаныхъ денегъ съ серебряными гвоздиками.

Около того-же озера есть мѣсто, называемое „Финшино“, на которомъ, по преданію, тоже жила чудь. Мѣсто это и теперь еще зовется „Финшино“.

Разсказываютъ, что лѣтъ 100 тому назадъ здѣсь, въ Мехреньгѣ, были соляныя варницы, устроенныя на берегу р. Еменги. Соль вырабатывалась здѣсь очень хорошаго качества, образцы которой и до сихъ поръ хранятся въ часовнѣ при дер. Гришинской. Слѣды этихъ варницъ замѣтны еще и теперь,—это заброшенные колодцы. Содержалъ ихъ какой-то Архангельскій купецъ, но, вслѣдствіе ссоры съ мѣстными жителями, прекратилъ свое дѣло, а, чтобы послѣ него не возобновили этихъ варницъ, онъ, передъ отъѣздомъ завалилъ колодцы каменными плитами. И вотъ, лѣтъ 30 тому назадъ, какой-то предприниматель изъ гор. Каргополя пріѣзжалъ сюда возобновить солевареніе, но никакъ не могъ извлечь этихъ плитъ изъ колодцевъ и, только раззорившись, бросилъ все дѣло и уѣхалъ обратно.

Называютъ здѣсь еще одну гору, въ которой будто бы есть золотосодержащій песокъ и образцы его какими-то инженерами увезены въ Петроградъ.

Другіе-же утверждаютъ, что въ горѣ этой оказалось не золото, а мѣдь и еще какая-то краска. Образцы краски, по словамъ крестьянъ, дѣйствительно увезены въ Петроградъ, не задолго до моего пріѣзда сюда, моимъ коллегой по Географическому Обществу М. Б. Эдемскимъ.

Всѣхъ деревень въ Мехреньгѣ 13 и называются онѣ: Заборье, Кривулинская, Холопье, Павловская, Подгорная, Паль, Савинская, Гришинская, Сбоевская, Горешская, Мартыновская, Верхотина, Подберезная, и кромѣ того—2 выселка.

Переночевавъ здѣсь, мы хотѣли записать, взаимѣнъ сказокъ, свадебные обряды, интересные, какъ говорятъ, своими „причетами“, для чего и по-

слали въ сосѣдную деревню за „стихарницей“ (причетница)—Устиньей, безъ которой ни одна свадьба не производится въ Мехреньгѣ.

Но намъ на этотъ разъ не повезло: и стихарница, извѣстная здѣсь болѣе по прозвищу „вѣролка“, ушла на праздникъ въ ту же деревню. куда ушелъ и сказочникъ, и такъ какъ у нея туда выдана дочь, то она тамъ погостить то же съ недѣлю.

Въ заключеніе о Мехреньгѣ я долженъ сказать, что вся одежда здѣсь, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ готовится исключительно изъ домашняго холста и сукна („сукманины“).

Женщины носятъ холстяныя рубашки: въ праздникъ—съ вышивкою на плечахъ и по подолу, а въ будни—безъ вышивки.

Сарафаны носятъ зимою—«тесомошники»; они ткуются изъ шерстяной пряжи, окрашенной въ красный, синій и бѣлый—цвѣта полосами, почему и напоминаютъ собою «тесью».

Лѣтомъ-же—въ будни носятъ сарафаны, называемые «кундышъ»; они шьются изъ домашняго холста, окрашеннаго въ синій цвѣтъ. Праздничные сарафаны называются «салтовники», эти послѣдніе ткуются изъ тонкой овечьей шерсти, окрашенной въ разные цвѣта. Лямки на сарафанахъ очень широкія и у дѣвицъ съ вышивкою. Болѣе богатые изъ женщинъ прежде носили какой-то «сушунъ»,—тоже сарафанъ, отличавшійся отъ прочихъ своими парчевыми полосками; но намъ не удалось его видѣть.

Для мужчинъ готовится одежда тоже изъ всего домашняго, но, между прочимъ, праздничную рубашку имъ шьютъ изъ холста, окрашеннаго корою ольхи. Подштанники-же обязательно бѣлые и шьются очень короткіе, у нѣкоторыхъ даже съ вышивкою на концѣ штанинъ.

Изъ обуви, только богатые носятъ сапоги, да и то въ праздники, бѣдные-же одѣваютъ: въ будни—лапти, а въ праздники—«поршни» (нѣчто въ родѣ туфель и шьютъ изъ кожи, съ опушкой изъ домашняго холста). Впрочемъ, молодежь и здѣсь уже носитъ, болѣе, сапоги въ послѣднее время, благодаря лѣснымъ заработкамъ.

Купивъ еще изъ старины кое-что, напр. нѣсколько штукъ деревянныхъ стакановъ, мы, заказавъ лошадей, стали готовиться къ отѣзду въ Воезеро. Но оказалось, что выѣхать отсюда не такъ-то просто, какъ предполагали. Дѣло въ томъ, что у хозяина дома хотя имѣлся тарантасикъ, но колесъ было 2 вмѣсто 4-хъ, надо было найти еще остальные два; вотъ тутъ-то и случилась «заковычка»: во всей деревнѣ колесъ, годныхъ подѣ тарантасъ, не оказалось и хозяинъ пошелъ на погостъ къ сыну своему—псаломщику, у котораго имѣлись тоже два колеса. Но въ это время жена псаломщика уѣхала въ какую-то деревню и пришлось ждать ея возвращенія. Прошло 2—3 часа и колеса были доставлены намъ, а въ это время нашъ хозяинъ что-то «засудачилъ» спиной и не могъ ѣхать, сыновей-же не было дома; пришлось его «старушку» посадить на козла, Итакъ, съ ямщикомъ—бабой мы 19-го августа уже подѣ вечерокъ отправились въ Воезеро; но нашъ ямщикъ—лихой дорогой оказался не на высотѣ своего

положенія: когда подѣхали къ первому на пути завору, то, чтобы отворить его, она слѣзла съ козель, а когда стала садиться обратно, то ея юбка какъ-то запуталась въ возжахъ и она чуть не попала подъ колеса. Съ тѣхъ поръ мы категорически запретили ей слѣзать съ козель: ея обязанность уже исполнялъ мой сынъ, а когда лошади разбѣгались подъ гору, то бралъ возжи я и задерживалъ ихъ, и такимъ образомъ доплелись мы до Воезера благополучно.

В о е з е р о .

Остановились здѣсь по-прежнему въ дер. Елизаровской у содержателя земской станціи Федора Гавриловича Суровцева, которымъ къ нашему приѣзду былъ уже «подговоренъ» сказочникъ, и намъ оставалось лишь послать за нимъ, что, конечно, и сдѣлали. А пока ходили въ дер. Заозерье за сказочникомъ, чтобы не терять по-напрасну время, отправились мы въ волостное правленіе, находившееся въ сосѣдней деревнѣ—Смѣшковской. Въ правленіи застали и писаря и даже самого волостного старшину, случайно находившагося здѣсь Николая Шевелева, который быть-можетъ, является потомкомъ спасагося старовѣрскаго мальчика.

Они любезно сообщили намъ просимыя свѣдѣнія. По этимъ свѣдѣніямъ оказалось, что Воезерская волость состоитъ изъ 4-хъ обществъ: Воезерскаго, Мехреньгскаго, Канакшанскаго и Елгомскаго. Всѣхъ деревень 47, жителей въ волости 1163 рев. души, а наличными 3200 чел., изъ нихъ мужчинъ 1500, а женщинъ 1700 чел. Общества здѣсь соотвѣтствуютъ приходамъ. При каждомъ приходѣ имѣется своя земская школа, но объ одной изъ нихъ скажемъ ниже. Въ этой-же деревнѣ, гдѣ правленіе, находится и фельдшерскій пунктъ, куда мы тоже заходили.

Пунктъ здѣсь давно открытъ, но обставленъ еще бѣднѣе, чѣмъ въ Мошѣ.

По свѣдѣніямъ фельдшера, больныхъ имъ принято за 1912-й годъ: первичныхъ—2722 чел., повторныхъ—796 чел., а всего 3518 чел. Конечно, такое количество нельзя назвать большимъ и очевидно, что крестьяне еще и до сихъ поръ лечатся, большою частью, собственными «средствами». Къ числу такихъ «средствій», по словамъ фельдшера, надо отнести различные заговоры, а отъ ранъ, напр., лечатся такъ: скоблятъ какой-то сѣрый камень, называемый «бѣсовъ» и пескомъ отъ него засыпаютъ рану. Конечно, это не уничтожаетъ гніенія внутри раны и часто послѣ такого «средствія» обращаются за помощью къ нему-же, фельдшеру, но все-таки вѣра въ этотъ «бѣсовъ» камень сильна въ народѣ.

Преобладаютъ здѣсь болѣзни простуднаго характера — разныя лихорадки.

Да, впрочемъ, это и неудивительно, такъ какъ населеніе здѣсь занимается лѣсными заработками и сплавомъ бревенъ по рѣчкамъ и, значить, весною всегда бываютъ мокры съ головы до ногъ. Но вотъ что удивительно,

если вѣрить фельдшеру: за всю его 20-ти-лѣтнюю службу здѣсь не было случая заболѣванія сифилисомъ. Это при отхожихъ промыслахъ?

Трудно, конечно, этому повѣрить; быть-можетъ, здѣсь и отъ этой болѣзни лечатся тоже своими „средствіями“?!

Протившись съ фельдшеромъ, мы отправились обратно на станцію, куда къ этому времени подошелъ и нашъ сказочникъ. Это—крестьянинъ дер. Заозерья Михаилъ Старостинъ, мужикъ лѣтъ 50-ти, средняго роста, коренастый и совершенно рыжій, какъ, впрочемъ, и всѣ почти жители здѣшняго края, должно-быть подъ цвѣтъ природѣ—сосновому бору. Онъ неграмотенъ и научился сказкамъ отъ своего отца.

На первый вечеръ мы записали отъ него одну сказку, да и за той просидѣли до 2-хъ часовъ ночи; на завтра, 20-го августа, „наладились“ и дѣло пошло быстрѣе: весь этотъ день мы, поочередно съ сыномъ, записывали ихъ со словъ Старостина.

21-го августа вмѣстѣ со сказочникомъ пошли обозрѣвать окрестности «Войезера» (пишется—Спасское озеро) и, прежде всего, прошли къ приходскимъ церквямъ—старой Михайловской и новой Преображенской. Служба въ старой церкви происходитъ по зимамъ, а въ новой—въ лѣтнее время и обѣ онѣ находятся на берегу озера. Но такъ какъ должность священника, за смертью прежняго, здѣсь была вакантна—(хотя кто-то уже назначенъ, но не пріѣхалъ еще), то пришлось ограничиться лишь внѣшнимъ ихъ видомъ.

По осмотрѣ оказалось, что старая церковь находится въ болѣе плачевномъ состояніи, чѣмъ церковь въ Ёлгомѣ, здѣсь даже нѣкоторыя окна въ ней были совсѣмъ заколочены досками и какъ тутъ можно было совершать службу—прямо приходится удивляться храбрости священниковъ. Церкви эти—обѣ деревянныя, а между ними находится кладбище, представляющее не менѣе жалкій видъ. Вдобавокъ, надо полагать, что и могилы здѣсь выкапываются очень неглубоко, особенно для дѣтей, ибо изъ нѣкоторыхъ, преимущественно, дѣтскихъ, могилокъ прямо наружу виднѣются черепа отъ размытія водою.

Послѣ того сказочникъ Старостинъ повелъ насъ къ мѣсту, называемому „могильникъ“, находящемуся также на берегу озера, гдѣ, по преданію, жила, чудь. Итти пришлось версты двѣ (черезъ деревню „Островъ“). Народъ, встрѣчавшійся на пути, осматривалъ насъ съ любопытствомъ, останавливалъ Старостина и спрашивалъ, но что онъ объяснялъ имъ—не знаю; однако, кромѣ дружескаго отношенія, мы ничего со стороны жителей не видали. Но вотъ и „могильникъ“. Это, собственно говоря, крутой берегъ, при впаденіи въ озеро рѣчки „Воюшки“, о которой я уже упоминалъ. Никакихъ признаковъ жилья здѣсь не сохранилось. Есть, правда, нора въ берегу, куда могли бы свободно залѣзть и помѣститься человѣка 3, но и это скорѣе вымоина, образовавшаяся вслѣдствіе песчаной почвы отъ дождей,—и больше ничего.

Вернулись изъ этой экскурсіи уже около 2-хъ часовъ дня и пора было обѣдать. Хозяинъ приготовилъ намъ уху изъ свѣжей рыбы, которой

въ озерѣ очень много. Рыбу эту онъ купилъ у фельдшера, который, оказы-
вается, большой любитель рыболовства и знатокъ этого дѣла.

Ловятъ здѣсь рыбу тоже вершами, которыя ставятся въ „заѣздки“ на
рѣчкѣ Канакашѣ, протекающей здѣсь возлѣ озера, и въ самомъ озерѣ, ко-
торое соединяется съ рѣчкой Канакашой небольшимъ ручьемъ, имѣющимъ
и всего-то нѣсколько десятковъ сажень длины.

Въ маленькихъ озеркахъ, не имѣющихъ проточной воды, но между
тѣмъ очень глубокихъ, имѣется много карасей, или по мѣстному—„ка-
расовъ“.

Ловятъ ихъ въ этихъ озеркахъ очень оригинальнымъ способомъ:
отпускаютъ съ берегу на его дно вершину срубленного дерева, напр. ели
или березы и, не очищая отъ сучьевъ, оставляютъ къ ночи; на-утро же
вытаскиваютъ и вмѣстѣ съ верхушкой дерева вытаскиваются и караси,
запутавшіеся въ хвоѣ или листьѣ дерева.

Зимой ловля производится еще проще: прорубаютъ на льду дыру и
караси, увидавъ свѣтъ и желая, должно-быть, подышать воздухомъ, наби-
раются въ эту прорубь въ густую, такъ что остается только взять лопату
и выбрасывать ихъ на ледъ, что жители края и дѣлаютъ.

Несмотря на такое обиліе рыбы въ озерахъ, рыболовство здѣсь все-
же не носитъ промыслового характера; рыба ловится каждымъ для себя,
а между тѣмъ, казалось-бы, всѣ условія пригодны для этого промысла: вѣдь
и желѣзная дорога не ахти какъ далеко проходитъ отъ Воезера, всего ка-
кимъ-нибудь 53—55 верстъ до станціи „Няндомы“.

22-го августа записываніемъ сказокъ съ самаго утра занялся мой
сынъ, а я отправился въ земскую школу, находящуюся въ сосѣдней де-
ревнѣ, но въ противоположной сторонѣ отъ волостного правленія.

Школа помѣщается въ хорошемъ одноэтажномъ домѣ, специально вы-
строенномъ земствомъ для этой цѣли. Школа—двухкомплектная; старшій
учитель Иванъ Адриановичъ Соловьевъ,—принявшій меня, кстати сказать,
очень любезно,—жалованія получаетъ 360 рублей въ годъ. По словамъ
г. Соловьева, въ минувшемъ 1912—13 году обучалось въ школѣ 45 маль-
чиковъ и 17 дѣвочекъ, всего 62 человекъ; кончило курсъ 3 мальчика и
1 дѣвочка.

Затѣмъ, изъ его словъ я узналъ, что здѣсь, въ дер. Снашевской су-
ществуетъ такой обычай: въ первое воскресеніе послѣ „Петрова-дня“¹⁾,
почему-то считающееся днемъ Св. Власія, хотя и не совпадаетъ съ кален-
дарными свѣдѣніями, празднуется такъ: въ часовнѣ служатъ молебны, по
окончаніи ихъ ѣдятъ ячную кашу, приготовленную обществомъ въ боль-
шомъ количествѣ.

Сюда-же приносится и масло для каши, которое собираютъ съ общины
заранѣе, кладутъ его немного въ кашу, остатки-же идутъ на нужды ча-
совни.

1) Этотъ день въ Троичинѣ, Кадниковскаго уѣзда, называется „молебнымъ“.

Здѣсь, въ Воезерѣ, какъ въ Мехреньгѣ, Мошѣ и друг. мѣстахъ существовалъ, да, отчасти, существуетъ еще и теперь, обычай - варить общественное пиво ко дню пророка Ильи—20-го іюля.

Прежде, по преданію народа, въ этотъ день къ церкви прибѣгалъ олень и прилеталъ глухой тетеревъ („глухарь“), которыхъ закалывали, жарили и раздавали кусками „всѣмъ крещенымъ“.

Теперь этотъ обычай сталъ выводиться, подѣ влияніемъ школы. Поговоривъ еще о томъ, о семъ, я отправился на квартиру и, для полноты картины жизни того края зарисовалъ стулъ мѣстнаго производства.

Надо отмѣтить, что въ комнатѣ нашей имѣлись интересные стулья. Они—раздвижные, и очень удобны, какъ для сидѣнія, такъ и тѣмъ, что занимаютъ мало мѣста въ комнатѣ: въ сложенномъ видѣ ихъ просто приставляютъ къ стѣнѣ.

23-го августа мы закончили запись сказокъ Старостина и отправились къ Спасскому озеру, которое раскинулось на 7 или 8 верстъ въ длину и простирается почти до Мехреньги; въ ширину-же оно не болѣе 2 верстъ.

Что касается промысловъ жителей Воезерской волости, то они точно также заключаются въ землепашествѣ, въ рубкѣ и возкѣ лѣса, въ сплавѣ его по рѣчкамъ и въ охотѣ; хлѣбъ и здѣсь рождается неважный, по случаю песчаной почвы.

Такая почва требуетъ усиленнаго удобренія, вотъ почему и здѣсь коровъ держатъ очень много, но всѣ онѣ очень мелкой породы и молока даютъ мало.

Изъ особенныхъ промысловъ можно отмѣтить одинъ, неособенно распространенный, это—добываніе и продажа алебаstra. Алебастръ находится въ 3-хъ верстахъ отъ станціи, на берегу р. Канакши, на казенной землѣ. Его ломаютъ крестьяне, предварительно испросивъ согласіе лѣсничаго, обжигаютъ и продаютъ на ст. „Няндомы“, въ Каргополь и въ друг. мѣста.

Пошлина-же казнѣ: 1 рубль за куб. аршинъ алебаstra. Но этотъ промыселъ даетъ очень ничтожный доходъ населенію и потому мало распространенъ.

О многихъ особенностяхъ этого края мнѣ хотѣлось бы поговорить еще, но и безъ того статья вышла большая и потому кончаю ее. И такъ, окончивъ здѣсь свои дѣла, мы вечеромъ 23-го августа выѣхали на ст. „Няндомы“, а 26-го были уже въ Вологдѣ.

А. А. Шустиковъ.

Декабрь, 1913 г.